

ЛЕСИЯ КОРНУОЛЛ

Ее заветное желание

ШАРМ

Шарм (АСТ)

Лесия Корнуолл
Ее заветное желание

«АСТ»

2014

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Корнуолл Л.

Ее заветное желание / Л. Корнуолл — «АСТ»,
2014 — (Шарм (АСТ))

ISBN 978-5-17-099655-1

Суровый майор Стивен Айвз никогда не питал склонности к великосветским кокеткам, но прощальный поцелуй, которым наградила его юная Дельфина, леди Сент-Джеймс, провожая на войну, навеки засел в его сердце раскаленным шипом. Однако теперь, когда блестящий офицер вернулся домой раненым и ослепшим, а имя его опорочено лживыми обвинениями в трусости и мародерстве, смеет ли он, униженный и оскорбленный, одинокий и беспомощный, даже надеяться на счастье? Может ли он хотя бы предположить, что теперь стал для верно любящей его девушки еще ближе и дороже и что Дельфина с радостью станет его ангелом-хранителем?..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-099655-1

© Корнуолл Л., 2014
© АСТ, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	20
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	31
Глава 9	38
Глава 10	41
Глава 11	43
Глава 12	46
Глава 13	49
Глава 14	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Лесия Корнуолл

Ее заветное желание

Lecia Cornwall

WHAT A LADY MOST DESIRES

Печатается с разрешения литературных агентств Taryn Fagerness Agency и Synopsis Literary Agency.

© Lecia Cotton Cornwall, 2014

© Перевод. И.П. Родин, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Глава 1

Бал у герцогини Ричмонд,

Брюссель,

июнь 1815 года

Он был единственным мужчиной в мире, от одного вида которого у нее перехватывало дыхание.

Они не встречались целый год, а сейчас она вдруг испытала знакомую слабость и головокружение, когда поднималась по широкой лестнице, ведущей в бальный зал дома герцогини.

И не потому, что он был самым красивым. Здесь во всем великолепии мундиров расхаживали офицеры, представлявшие пять разных армий. По крайней мере половина из них были белокурами, а под люстрами с каким-то немислимым количеством свечей, заливавших светом бальный зал, волосы у них сияли так же, как и у него. Многие могли похвастаться столь же высоким ростом, да и в плечах они были ничуть не уже.

И не потому, что носил высокое звание или титул, и не потому, что одновременно занимал дипломатический пост и служил офицером кавалерии. Дело было скорее в спокойной уверенности, которая привлекала к нему людей и заставляла внимательно следить за каждым движением майора Стивена Айвза. Он казался им необычным, а его доброе мнение имело для них сугубо важное значение. Заглянуть в глубину его серых глаз и почувствовать собственное несовершенство – это было как удар под ложечку. Леди Дельфине Сент-Джеймс это ощущение было хорошо знакомо.

Она познакомилась с ним в Лондоне на балу больше года назад и провела в его обществе всего несколько минут. Но этого было достаточно. То, что она прочитала в его глазах в ту ночь, изменило ее навсегда. С того момента он стал для нее эталоном мужчины, с которым она сравнивала всех своих знакомых мужского пола и обнаруживала, что никто из них не выдерживал этого сравнения.

Даже теперь, много месяцев спустя, Стивен Айвз по-прежнему сохранил над ней власть – ей вдруг стало трудно дышать, колени ослабли, сердце помчалось вскачь. Он тогда ясно дал ей понять, что не испытывает к ней ничего подобного. Больше всего на свете ей хотелось узнать почему. Если бы у нее появилась возможность выбрать партнера для танцев на этот вечер и того, кто проводил бы ее на ужин, им стал бы...

– Ты... – прошептала леди Дельфина в пространство, не отводя глаз от его спины.

Стивен Айвз обернулся, как будто она громко произнесла это слово, и нашел ее взглядом. Леди Дельфину охватила нервная дрожь, когда их глаза встретились. Она отметила его удивление, потом краткий миг смятения, прежде чем его лицо приняло бесстрастное выражение и он коротко кивнул ей как знакомой. Дрожь в груди поднялась и умерла. Ничто не изменилось. Он не выделял ее из толпы.

Тем не менее она очаровательно улыбнулась ему. Стивен Айвз не улыбнулся в ответ и никак не продемонстрировал желания сдвинуться с места. Толпа заполняла собой каждый дюйм пространства, которое отделяло ее, стоящую на последних ступеньках лестницы, от него, занявшего позицию в конце зала. Было практически невозможно прорваться сквозь этот сонм, чтобы оказаться рядом с ним.

Но слово «невозможно» было из разряда тех, что леди Дельфина Сент-Джеймс терпеть не могла.

– Прошу прощения, – извинилась она, протискиваясь за спиной офицера-голландца, который обменивался любезностями с дамой в голубом шелковом платье. – Ничего страшного, – пробормотала потом, прижатая толпой к лейтенанту в алом кителе.

Все это время она не спускала глаз со Стивена Айвза. Тот наблюдал за ней. Выражение его лица было непроницаемо. Возможно, он рассчитывал, что леди Дельфина направится совсем в другую сторону.

В самом конце лестницы она сделала короткий реверанс перед герцогиней Ричмонд – хозяйкой бала.

– Добрый вечер, ваша светлость, – задыхаясь, произнесла леди Дельфина.

Герцогиня едва кивнула. Даже если торопливость Дельфины и показалась ей неподобающей, то она не подала вида. Здесь присутствовало большое количество других, более важных гостей, которым следовало уделить внимание. Дельфина бросила взгляд в сторону Стивена. Майор стоял на том же месте. Это был добрый знак. Подобрал юбки, она заспешила к нему.

Кто-то преградил ей дорогу, заставив остановиться.

– Леди Дельфина! Какая приятная неожиданность!

Скорее досада! Джентльмен склонился перед ней, а Дельфина поверх плеча мужчины глянула на Стивена, пока ей вновь не перекрыли обзор.

Целеустремленность, горевшая в ее глазах, сменилась удивлением.

– Ах, это вы, лорд Родейл? – Перед ней стоял друг ее брата, вернее, собутыльник и участник недетских забав Себастьяна.

– «Лорд Родейл»? Разве так приветствуют старого доброго друга? – Рисуясь, он продемонстрировал свою форму полка королевских драгун, заставив сверкнуть золотом галуны в свете люстр. – Вы пообещали называть меня Питером, когда нас познакомили в доме вашего дражайшего родителя в Лондоне. Пусть моя форма вас не пугает. Я, конечно, один из военных героев, но все равно ласковый, как домашний кот. Уверяю. – Он засмеялся собственной шутке, взял руку Дельфины – хоть она ее не предложила – и поднес к губам. На миг ей стало интересно, лизнет ли этот кот ее пальцы, однако взгляд, которым он ощупывал лиф ее платья, напоминал о другом, более опасном животном. – Какую службу я могу сослужить вам этим вечером, дорогая Дилли? По-моему, вы испытываете нехватку партнеров для танцев.

Она стиснула зубы, услышав из его уст свое уменьшительное, домашнее имя, и попыталась отнять руку. Он сжал запястье еще крепче, совсем близко наклонился к девушке, обдав запахом рома. Блеск в его глазах говорил скорее о количестве выпитого, нежели об удовольствии видеть старую знакомую. Он прибыл сюда уже подшофе, ведь у герцогини ром не подавали, только шампанское, и от этого его поведение казалось даже более шокирующим.

Леди Дельфина сделала еще одну попытку высвободить руку. Он только издевательски усмехнулся. У нее загорелись щеки, в голове кружились хлесткие слова, способные уничтожить наглеца... Но бал не место для перепалки. А Родейл придвинулся еще ближе.

– Потанцуй со мной, Дилли. Или нет, лучше выйдем на террасу, и я стану шептать тебе на ушко комплименты. Говорят, что с восходом солнца нас отправят на поле боя. Неужели ты не захочешь устроить мне достойные проводы?

Леди Дельфине очень хотелось устроить ему проводы, но не такие, на которые он рассчитывал. Она почувствовала, как гнев охватывает ее.

– Прошу прощения, капитан, – заговорила она самым нелюбезным тоном, на который была способна, при этом особо подчеркнув его звание, чтобы напомнить повесе, где он находится. Холодно оглядела форму, которую он бесчестил развязным поведением.

Но его это не смутило. Он рассмеялся.

– Перестань ломаться. Я хочу узнать тебя поближе. В Лондоне мне не выпало такого случая. Тебя всегда не оказывалось дома, когда я приходил с визитом.

Ему хватило смелости провести кончиками пальцев вдоль ее обнаженной руки от края кружевной перчатки до короткого рукава.

Дельфина не прочь была пофлиртовать, так же как, например, стоявшая рядом дама, но не вот так и не здесь! Она снова попыталась освободить руку, и снова наглец не отпустил ее. Придется устроить сцену, в конце концов. Зажав веер в свободной руке, она приготовилась нанести ему удар...

– Леди Дельфина, по-моему, следующий танец вы обещали мне.

Рядом с ней возник Стивен Айвз, и она вновь перестала дышать.

Поклонившись, Стивен протянул ей руку и дождался, пока она примет ее. Явно удивившись появлению майора, Родейл торопливо отпустил пальцы своей жертвы, словно вдруг обжегся о них. Его красивое лицо побагровело от досады.

Дельфина схватилась за руку Стивена как за спасательный канат и позволила отвести ее в сторону.

Зазвучала музыка, вальс. Опустив руку партнерше на талию, Стивен повел ее танцевать. Следовало поблагодарить его, но он поверх ее плеча продолжал следить за Родейлом, пока тот не скрылся в толпе.

– Вы знакомы с капитаном Родейлом? Это друг моего брата. Он не... В смысле мы с ним не... – Она вдруг осознала, что лепечет какую-то чушь.

Стивен продолжал высматривать Родейла.

– Мы в одном полку.

О! Дельфина почувствовала себя идиоткой. Он ничего не добавил к своему короткому ответу и не сказал ей никакой любезности, просто спас от хама на балу. И теперь это ее забота – сменить тему разговора, попытаться очаровать его.

Следует воспользоваться тем, что она присутствует на этом летнем балу, в зале, украшенном цветами, заполненном светом люстр. Она в объятиях Стивена, вальсирует с ним. И поэтому нет никакого смысла распылять его внимание.

В зале стояла духота, но щеки рдели совсем по другой причине: Стивен обнимал ее. Дельфина чувствовала запах его бритвенного мыла, сукна его мундира, голова кружилась от цветочного аромата, когда они проплывали в танце мимо распахнутых окон.

– Боже, вы ведь отлично танцуете! – Она снова попыталась завязать разговор.

– Я полгода провел в Вене, на родине вальса.

Дельфина почувствовала, что краснеет. Куда делся ее знаменитый шарм, ее бойкая речь?

– Ах да! Вы ведь в составе посольства принимали участие в Венском конгрессе. Я, конечно, слышала рассказы обо всех тамошних блистательных балах в присутствии правящих особ Европы, русского царя и императора Австрии... – Ей показалось, что Стивен слегка заскучал. Дельфина растерялась. Дипломат в чинах не станет обсуждать слухи и распространять сплетни о похождениях коронованных особ или знаменитостей. – Конгресс прошел успешно? – спросила она.

На миг его рука, поддерживавшая ее, напряглась.

– К сожалению, нет. Иначе мы бы не находились здесь, в ожидании еще одной битвы с Наполеоном.

– Она скоро начнется?

Стивен наконец взглянул ей прямо в глаза, словно оценив серьезность ее вопроса. Здесь, в Брюсселе, было много тех, кто сомневался, что это сражение вообще состоится, но она была свояченицей полковника и кое о чем знала лучше других. Дельфина пристально посмотрела на него.

– Через несколько часов, как я слышал. Этим утром французы перешли бельгийскую границу, – наконец ответил он.

Дельфина вдруг слегка оступилась, и он, прижав ее к себе, уверенно держал на весу несколько следующих тактов. У нее снова перехватило дыхание, когда она на миг коснулась

грудью его мускулистой груди. Ее охватил ужас, смешанный с восторгом, как будто она резко воспарила в небо.

Он поставил ее на ноги, словно ничего не случилось, и сменил тему разговора.

– Как так получилось, миледи, что вы оказались в Брюсселе именно в тот момент, когда дома, в Лондоне, сезон в самом разгаре?

От нее не укрылась ирония, прозвучавшая в его голосе. Он ясно дал ей понять, что считает ее все той же самовлюбленной и глупой особой, с которой познакомился год назад, девушкой, которая живет ради удовольствий и лести, ради того, чтобы позлословить и пофлиртовать, и у которой нет ничего за душой. Она вспыхнула.

– Я приехала в Брюссель с моей сестрой Элинор и ее мужем, полковником Фэрли. Мэг Темберлей тоже с нами. Мы расположились на вилле в пригороде. Там можно будет разместить госпиталь, если возникнет необходимость. Нам, конечно, известно, что сражение неизбежно: у нас в саду стоят лагерем сотни солдат, даже в розарии, – но чтобы оно началось через несколько часов...

Наконец в его глазах появился интерес.

– Мэг? И Николас тоже здесь? – спросил он о муже Мэг, майоре Николасе Темберлее, их общем друге.

Дельфина испытала приступ раздражения, когда он принялся всматриваться в толпу, пытаясь отыскать их, и при этом совершенно забыл о партнерше, хотя не пропустил ни шага.

– Николаса сейчас нет в городе, милорд. У нас от него нет ни единого известия, за исключением того, что он ушел в разведку. Что именно это означает? Мэг вне себя от беспокойства.

Стивен вновь посмотрел на нее. Неужели он рассчитывал, что леди Дельфина станет болтать с ним о духоте в зале, или о том, как много гостей собралось здесь, или о каких-то других банальностях? Его удивленный взгляд подсказал ей, что именно на это он и рассчитывал. Стивен окинул взором ее платье, заглянул в лицо, рассмотрел цветы в ее прическе, а потом их глаза встретились. Теперь он по-настоящему смотрел на нее, оценивая глубину ее интереса, ее ума. Точно так же он смотрел на нее в ту самую, давнюю ночь.

– Это многое может означать, – ответил он.

– У нас действительно есть причина для беспокойства? Разумеется, Веллингтон разобьет французов... – Дельфина замолчала, увидев, как потемнели его глаза. Мурашки побежали у нее по спине. Она крепко сжала его руку.

– Очень на это надеюсь, но исход сражения всегда непредсказуем, – произнес он.

– Вы будете... участвовать в сражении?

– Конечно.

– Значит, вы здесь не в качестве дипломата?

Стивен снова оглядел зал, выражение его лица ни о чем не говорило. Какие бы эмоции он ни испытывал, для нее это была закрытая книга.

– Я выступлю вместе с моим полком, как только будет приказ.

Дельфине теперь стала немного ближе тревога Мэг и сестры, отправлявших своих любимых мужчин на войну. Горечь наполнила ей рот, она опустила взгляд на его грудь.

– Королевские драгуны, – пробормотала она, разглядывая китель.

Что должна говорить женщина, провожая мужчину на битву? Быть может, ей не выпадет больше случая сказать ему... Что? Что она восхищается им, обожает его и мечтает, чтобы он увлек ее в темноту июньской ночи и поцеловал? Она бы позволила ему это. Поцеловала бы в ответ. И, может, тогда поняла, что она сделала не так несколько месяцев назад?

Дельфина с надеждой подняла на него глаза.

– Майор Айвз, я... – начала она, но в этот момент в дверях возник какой-то военный и напрямик, через весь зал, двинулся к лорду Веллингтону.

Стук его каблучков, звон шпор на сапогах перекрыли все звуки в зале – игру оркестра, веселый женский смех, звон бокалов с шампанским. Разговоры прекратились, танцующие замерли на месте, все стояли и наблюдали, как военный поклонился герцогу и протянул ему пакет. Лорд Веллингтон тут же поднялся, взгляд его стал жестким. Он кивнул адъютантам. Герцог Ричмонд вывел уважаемого гостя в соседнюю комнату и плотно закрыл за ними дверь. Дельфина почувствовала, как напрягся Стивен, когда в зале черным облаком повисли возгласы, предположения и пересуды собравшихся.

– Это плохо? – шепотом спросила Дельфина.

– Возможно, – процедил он сквозь плотно сжатые губы. – Позвольте, я отведу вас к вашей сестре, леди Дельфина.

В ее груди волной нарастала паника при мысли о том, что она теряет его сейчас или потеряет завтра, в сражении.

Ей удалось выдавить улыбку.

– Однако музыка все еще продолжается.

Он слегка покраснел.

– Да, но...

Дверь кабинета открылась, вышел кавалерийский офицер и поднял руку, требуя внимания. Оркестр захлебнулся и смолк.

– Джентльмены, заканчивайте танцы, прощайтесь с дамами и возвращайтесь в ваши воинские подразделения.

Раздались взволнованные восклицания женщин. Стивен оглядел зал, выискивая офицеров своего полка. Дельфина увидела, какой страстью загорелись его глаза, и поняла: мыслями он уже на службе и забыл о ней. Но тем не менее по-прежнему бережно придерживал ее за локоть.

– Какие новости? – спросил он у проходившего мимо адъютанта.

Молоденький офицер учтиво поклонился даме, прежде чем ответить.

– Наполеон перешел границу возле Шарлеруа. Веллингтон планирует дать ему бой к югу отсюда.

Дельфина прижала руку к груди. Все стало вдруг реальным и пугающим. Они неделями наблюдали за концентрацией войск, готовившихся дать сражение, которое, казалось, никогда не начнется. Они неделями скручивали бинты, уверенные в том, что повязки никогда не потребуются, или флиртовали, танцевали, выезжали на пикники с красавцами офицерами, смеялись над их бравадами и хвастливыми обещаниями разделаться с Наполеоном, когда он наконец объявится. И вот теперь он объявился, где-то совсем недалеко, к югу от города. Дельфина оглядела суровые лица мужчин, заметила слезы на глазах женщин. Пошатнулась, испытав отчаяние. Стивен решительно положил ее руку на свою, согнутую в локте.

– Пойдемте, я отведу вас к леди Фэрли.

Она ощутила, какие у него крепкие мускулы, теплые и полные жизни. И снова подумала о том, что сказать ему сейчас, ведь она может больше никогда не увидит его. А он – ее. Закрыв глаза, Дельфина на миг приникла к нему.

Стивен сжал ее руку и мягко улыбнулся, подбадривая. Однако взгляд его серых глаз оставался холодным. Это огорчало ее больше всего.

– Милорд... – начала Дельфина, но тут они как раз подошли к Элинор, и он переключил внимание на ее сестру.

Та стояла бледная, с плотно сжатыми губами. Состояние Элинор, жены офицера, пережившей несколько воинских кампаний бок о бок с мужем, не добавило спокойствия Дельфине.

– Элли... – Она взяла сестру за руку, холодную как лед, что ощущалось даже сквозь перчатку.

Сестра стиснула ей руку в ответ. Хватка у нее была железная.

– Полковник Фэрли только что отправился в свое подразделение. Он велел нам немедленно уходить отсюда. Мы вернемся на виллу и будем держать лошадей в полной готовности, чтобы двинуться на север, в Антверпен, а затем в Англию, если все обернется плохо. – Она посмотрела на Стивена. Глаза были сухими, огромными и полными тревоги. – Все действительно может плохо обернуться, милорд?

– У нас блестящий командующий, миледи, и превосходные офицеры под его началом. Полковник Фэрли – один из них.

– Однако и у Наполеона офицеры ни в чем не уступают нашим. Я повторяю слова Фэрли, – заметила Элинора.

Стивен ничего не сказал на это.

– Если позволите, мне кажется, стоит прислушаться к совету полковника. Уезжайте немедленно, если вдруг дела обернутся не в нашу пользу. – Он повернулся к Дельфине и заглянул ей в глаза, словно рассчитывал, что именно она проявит отвагу и обеспечит сестре защиту. – Пойдемте, леди, я должен убедиться, что вы сели в карету. Скоро улицы будут забиты войсками, и вам потребуется много времени, чтобы добраться до дома, поэтому медлить нельзя.

Стивен взял Элинора под руку и вместе с Дельфиной, державшейся сбоку от сестры, начал пробираться к выходу, старательно оберегая их от натиска взволнованной толпы.

Снаружи царил хаос. Свет факелов выхватывал из темноты морды охваченных возбуждением лошадей. Животные ржали, вращали глазами, когда орущие кучера подгоняли кареты к парадному входу, чтобы забрать пассажиров. Пока они ждали карету полковника, Стивен, стоя рядом, все так же оберегал их от толпы.

А кто защитит его? – подумала Дельфина. На ногах у него были бальные лакированные туфли. Не может же он воевать в них. Ему нужно переобуться. Она почувствовала, как ею овладевает истерический смех. Другие офицеры, которых она видела поблизости, были обуты точно так же. Нет, они не могут воевать в таком виде, поэтому им нужно еще задержаться здесь. Но они уезжали, отправлялись на войну. Страх встал комом в горле. Дельфина попыталась проглотить его. Безуспешно! Она увидела, как улыбающийся офицер вскочил на коня и твердой рукой успокоил животное, которое в панике кружилось на месте. Потом офицер наклонился, выхватил из толпы женщину и, усадив перед собой, крепко обнял. Атласное бальное платье замерцало. Ее руки обвились вокруг его шеи, их губы соединились в долгом, страстном поцелуе.

Такое поведение сочли бы предосудительным на любом другом балу, в любую другую ночь, но только не в эту, когда впереди была битва. Она посмотрела на Стивена, такого живого, полного сил и энергии. Его белокурые волосы блестели в свете факелов, глаза горели. Свет падал на широкие плечи. Алый мундир словно светился изнутри. Он ответил ей взглядом, будто ожидая каких-то слов. Дельфина шагнула к нему, уже приоткрыла рот, но тут подъехала их карета. Стивен помог Элинора забраться внутрь, а потом взял Дельфину за руку.

– Доброй ночи, миледи, и благодарю вас за танец, – сказал он с холодной вежливостью. – Запомните, если завтра все пойдет не так...

Она не хотела об этом думать. Кинулась к нему на грудь, заставив замолчать, и поцеловала его. Он перехватил ее, замерев, полный изумления. Дельфина продолжала стоять на цыпочках, прижимаясь губами к его губам и молясь о том, чтобы он вернулся живым.

Он обнял ее и ответил на поцелуй.

Дельфина вдруг испытала приступ отчаянного желания. А Стивен продолжал целовать ее. Она приоткрыла губы навстречу ему, позволяя его языку проникнуть в нее. Его губы еще

хранили вкус шампанского, от него исходил запах сукна и кожи. Дельфина прижалась к нему всем телом, а он целовал ее со страстью, о которой она только мечтала.

– Дельфина Сент-Джеймс! – донеслось восклицание сестры. – Что ты себе позволяешь? Быстро в карету!

Стивен тут же отпустил девушку. Он с жаром посмотрел на нее. Затем сдержанно поклонился, снова превратившись в чопорного дипломата, офицера и джентльмена.

– Прощайте, миледи. – Он взял ее пальцы в свои руки и легонько сжал. То ли в знак благодарности, то ли прощая ей такое необдуманное поведение.

Сердце неистово колотилось у нее в груди, слезы наворачивались на глаза.

– Вы обязательно вернетесь, – шепотом произнесла она, словно отдавая ему приказ.

Стивен окинул ее взглядом.

– Английские маргаритки, – пробормотал он, разглядывая цветы в ее волосах. – Мальчишкой я собирал их, а потом дарил букеты маме, сестре и даже поварихе.

Дельфина выдернула один цветок из прически и протянула ему.

– Возьмите на счастье.

Он мгновение разглядывал маленький розовый цветок на своей ладони, а потом сверху прикрыл его другой.

– Благодарю вас.

Затем, не дожидаясь слов в ответ, помог подняться Дельфине в карету. И не отводил от нее взгляда, пока карета не тронулась.

Повозившись с задвижкой, она все-таки опустила окно. Дельфина высунулась наружу, но увидела лишь спину удалявшегося Стивена.

– Мы встретимся с тобой, – тихо проговорила она. – С тобой ничего не случится.

Мрак поглотил его, и неожиданно стало совершенно неважно, обожает он ее или нет. Она мечтала об одном – чтобы он остался жив.

Глава 2

Через запруженные людьми улицы Стивен прокладывал дорогу к дому, где квартировал с пятью другими офицерами-холостяками.

Марширующие военные колонны заполнили все бульвары и улицы и рекой стекали к южной городской заставе. Офицеры преодолевали этот поток на лошадях, выкрикивая приказы. Женщины прощально махали военным и утирали слезы, а мальчишки шагали рядом с солдатами, пока матери не хватали их за руки и не втягивали обратно в толпу. Ритмичный топот сапог громом отдавался в груди Стивена.

Он уже опаздывал. Следовало раньше уйти с бала. Стивен так бы и поступил, если бы не леди Дельфина Сент-Джеймс. Он никак не ожидал увидеть ее там.

Дельфина поцеловала его.

То было не сестринское участие и не теплое прощание со старым знакомым. Это был настоящий любовный поцелуй. Непредсказуемый и порывистый, и нельзя сказать, что неприятный. Наоборот, Стивен нашел его очень и очень волнующим. И это удивило его больше всего.

Среди женщин мира Дельфина Сент-Джеймс меньше всего соответствовала роли той, которую бы он выбрал, чтобы одарить прощальным поцелуем. Этой чести нужно было удостоить другую. Знакомая боль потери вновь овладела им. Он провел рукой по волосам, и в воздухе повис слабый аромат духов Дельфины. Не Джулии! Какими духами пользовалась Джулия? Он не мог вспомнить.

Странно! Он не думал о Джулии Лейтон уже несколько часов. В первый раз за многие недели она не владела полностью его мыслями. Стивен попытался вспомнить, как она выглядела во время их последней встречи несколько месяцев назад на каком-то балу в Вене. Джулия оставила его ради другого мужчины, который, по мнению Стивена, был не достоин ее.

О, как он ненавидел балы!

Однако если бы ему пришлось выбирать, с кем сражаться бок о бок, он выбрал бы этого своего соперника. А если бы существовала женщина, которая ждала бы его возвращения с поля боя, то это должна была стать Джулия. А не Дельфина. Он облизнул губы и почувствовал вкус ее поцелуя.

Стивен обошел солдата, который, держа в объятиях плачущую женщину, покрывал ее лицо страстными поцелуями. Совсем как Дельфина. Это была ночь поцелуев, молитв, прощальных слов и осознания того, что, пока сражение не закончится, не будет никакого будущего. Солдат не может запланировать ничего наперед, кроме того, чтобы храбро драться и умереть с честью, если потребуется.

«Вы обязательно вернетесь», – с жаром прошептала ему Дельфина. А вернется ли он? Стивен даже не был уверен, что хочет этого. Ради чего? Ее утверждение покорило его. Будто она отдала ему приказ, а он как солдат должен был подчиниться ему. Станет ли она оплакивать его, если он вдруг останется на поле боя? Ему было все равно. И какого дьявола ей понадобилось здесь, в Брюсселе?

Прошло уже больше года после того, как они познакомились с ней в Лондоне на балу, который давала ее мать, графиня Эйнзли. Стивен тогда низко склонился к руке Дельфины, сразу же восхитившись ее живостью и красотой. Она была умна, внимательна и очаровательна. Однако герцог сумел переключить внимание красавицы на себя. Впрочем, Дельфина свободно добивалась внимания целого зала, легко устраивала скандал, произнеся шепотом лишь одно слово или резко взмахнув веером. Частью его работы было умение наблюдать за людьми, понимать их, и после первого ошибочного представления Стивен увидел, кто такая

на самом деле заносчивая леди Дельфина – дочь знаменитого политика, представлявшего тори, ценная награда какому-нибудь титулованному хлыщу с состоянием и связями. Ее ожидало блестящее будущее.

Так почему, дьявол побери, она до сих пор не вышла замуж? Дельфина стала бы образцовой женой влиятельному графу или маркизу, занятой производством и воспитанием не менее образцовых наследников. То, что она вдруг оказалась здесь, на самом краю опасности, помогая сестре устроить госпиталь, никак не укладывалось у него в голове. Он не ожидал этого от Дельфины Сент-Джеймс. Это удивило его так же, как и ее поцелуй.

Его словно молнией ударило, когда он обернулся и увидел Дельфину на лестнице. Глаза ее сияли в свете люстр. Он чуть не бросился к дверям на выход, когда Дельфина стала через толпу пробираться к нему, но чувство собственного достоинства и хорошие манеры заставили его не двинуться с места. По правде говоря, Стивен испугался ее излишней активности. Дельфина, которую он знал по Лондону, была именно такой. Она неизменно добивалась того, чего хотела: внимания, любезностей или мужчин, по своему выбору, – всего, что ей казалось нужным.

На том балу ему показалось, что Дельфина решила испытать свои чары на нем. С решительностью, равной ее напору, он отверг притязания прелестницы. Даже если ему потребуются жениться, Дельфина Сент-Джеймс никогда не станет его супругой. Она слишком много говорила и совсем не умела слушать.

Однако Стивен не мог забыть выражения ее зеленых глаз, распахнутых навстречу тревожному известию. А как она взяла сестру за руку, словно передавая Элинор свою храбрость и силу духа. Осознает ли она, чем на самом деле может обернуться завтрашний день, что означают суровые распоряжения, которые отдал им Фэрли? Элинор понимала, потому что уже имела опыт жены военного, а для Дельфины все было внове. Стивен не сомневался, что она оказалась здесь как залетная пташка: просто присоединилась к процессии дам, которые последовали в Брюссель за своими мужчинами и стали ждать битвы, словно это был спектакль, поставленный ради их развлечения.

Стивен прижался спиной к грубой каменной стене, пропуская воинскую часть. Сражение – это вам не торжество ратной доблести и успеха. Это грязь, кровь, жестокость во всех ее проявлениях – в общем, мужчины в самом непотребном виде, а не в ореоле героизма. А женщины... Он нервно сглотнул. А женщинам грозит насилие и позор, если фортуна отвернется от их спутников. Что тогда будет с таким небесным созданием, как Дельфина?

Она была столь же очаровательной, какой осталась в его памяти. Темные волосы, широко открытые зеленые глаза, белая кожа, изящные линии тела, скрытые под модным платьем из тончайшего золотистого шелка, расшитого цветами по лифу, по рукавам и подолу... Он обратил внимание на ее туалет только потому, что сестра в очередном письме обязательно поинтересуется, как были одеты дамы на балу. Стивен с досадой подумал о том, что не удостоился рассмотреть, во что были одеты другие дамы. В его оправдание свидетельствовало то, что платье Дельфины шло ей просто потрясающе. Она лучилась и мерцала в свете люстр. Он был не единственным мужчиной, который смотрел только на нее.

Стивен стиснул зубы, вспомнив выражение ее лица, когда дорогу ей заступил Родейл. Ее оживленная улыбка увяла, и отважная леди Дельфина вдруг превратилась в беззащитное создание, столкнувшись с навязчивым вниманием капитана.

Инстинкт защитника, которым обладал Стивен, мгновенно восстал в нем, хотя ему была прекрасно известна репутация Родейла. Капитан жил за счет престижа, который обеспечивал ему титул отца. Он купил офицерский патент только затем, чтобы покрасоваться в мундире. Его обшивал лучший лондонский портной. Родейл полировал сапоги шампанским, чтобы лишний раз похвастаться перед однополчанами. У него имелась еще одна страсть –

карты. Он беззастенчиво жульничал, жестоко обращался с людьми, которыми командовал, и пользовался зависимым положением их жен.

У Стивена на руках имелась расписка Родейла на весьма солидную сумму, причем срок выплаты долга наступил. Когда он увидел его вместе с Дельфиной, то не мог не отметить, что капитан изрядно подшофе.

Леди Сент-Джеймс в полной растерянности смотрела на капитана, когда тот рукой без перчатки гладил ее предплечье. Наглец лишь ухмыльнулся, поняв, что дама испытывает неловкость. А потом Дельфина без всякого успеха попыталась высвободить из его руки свою и покраснела.

Что еще оставалось Стивену, кроме как вырвать ее из когтей мерзавца? Благодарность, с которой Дельфина посмотрела на него, когда он пригласил ее на танец, ошеломила Стивена. Ах эти прекрасные глаза, словно озера с прохладной водой в жаркий день!

Родейл же проводил их мутным злобным взглядом. Его возмущение вмешательством Стивена было очевидным. Но ему только и оставалось, что наблюдать, как Дельфина уплывает из его рук.

Сам инцидент разозлил Стивена до предела. Он не собирался танцевать этим вечером. Он вообще не собирался на этот бал. Майор рассчитывал постоять где-нибудь в сторонке, обменяться любезностями с какими-нибудь офицерами из союзных армий и тихо уйти еще до того, как пригласят к ужину.

Его потрясло, с какой легкостью Дельфина смогла расстроить все его планы.

Но вот танцевать с ней оказалось делом весьма приятным. Стивен изучал ее лицо, пока они вальсировали, читал в нем неуверенность, любопытство, удовольствие и печаль. Он увидел тревогу в ее глазах, когда поступила депеша, увидел понимание того, что предстоящее сражение может означать для него и для каждого из мужчин в бальном зале. Это говорило об ее уме и способности сострадать. Стивен даже не предполагал, что она обладает такими качествами. И главное, прочел тревогу за него и за Элинор. Не за себя!

Когда она, взяв сестру за руку, слушала распоряжения, отданные полковником Фэрли, у него возникло ощущение, что именно Дельфина будет следить за тем, как они выполняются, даже в том случае, если жена полковника потерпит в этом неудачу. Он представил, как Дельфина с пистолетом в руке готовится сразиться с французами, ворвавшимися в Брюссель, и понадеялся, что до этого дело не дойдет.

Стивен поднялся к дверям своего дома и посторонился, когда вниз по ступенькам навстречу ему сбежали два офицера. Они улыбнулись ему, радуясь предстоящей битве и славе. Стивен повидал слишком много кровавых сражений на Пиренеях, чтобы получить удовольствие еще от одного. Он понимал: без этого не обойтись, ведь Европу нужно освободить от тирании Наполеона раз и навсегда, – но счастья от этого не испытывал.

Он сделал глубокий вдох. В воздухе висела гарь, которую дополняла вонь лошадиного пота и ружейного масла – знакомые запахи, моментально провоцировавшие чувство тревоги, заставлявшие все сжиматься внутри, вызывавшие тянущую боль в животе. У него всегда бывало такое состояние перед сражением. И оно будет владеть им до тех пор, пока он не окажется на поле боя, не займет свое место в строю. С этого момента он вручит себя в руки судьбы.

Стивен обернулся на женский крик и увидел девушку, размахивающую носовым платком и бегущую рядом с марширующей колонной. Нарушая строй, из колонны вывалился молодой солдат, который под ругань сержанта выхватил у нее из рук этот символ преданности. С грустной улыбкой солдат занял свое место в колонне, засовывая на ходу платок в карман. Стивен посмотрел ему вслед. Он надеялся, что солдат выживет, чтобы вернуть возлюбленной залог.

Вот его возвращения никто не станет ждать, подумал Стивен, даже если он постоянно будет вспоминать прощальный поцелуй Дельфины. Чье лицо – Джулии или Дельфины – возникнет у него перед глазами в последнюю минуту, если он падет на поле боя?

Перескакивая через две ступеньки, он поднялся по лестнице и с удивлением увидел свет, исходящий из соседней комнаты, и услышал чьи-то шаги.

– Гринфилд? – позвал он, заглядывая в полуотворенную дверь и рассчитывая застать там лейтенанта. Гринфилд тоже был на балу и наверняка опаздывал, как и Стивен, переодевая бальные туфли на кавалерийские сапоги. Им следовало торопиться. – Давай-давай, парень, нам лучше бы... – И замер в дверном проеме, когда капитан Родейл повернулся к нему лицом.

Стивен заметил расстегнутый китель капитана, блестящие глаза и открытую шкапулку красного дерева у него в руках.

– Что вы здесь делаете? Почему вы не со своим отрядом? – резко спросил Стивен.

Родейл ответил ему тупой ухмылкой, какой «очаровывал» Дельфину: заносчивой, все зубы напоказ.

– Мой сержант проведет переключку без меня. Джеймисон должен мне пару шиллингов. Он сказал, чтобы я забрал их сам.

Стивен отметил про себя, что вещи лейтенанта свалены в кучу на стеганом покрывале кровати и что Родейл зажимает в руке золотые часы, на крышке которых отчетливо виднелись выгравированные инициалы Гринфилда.

– Это комната не Джеймисона.

Родейл даже не сделал вид, что смутился.

– О? – Взял в руки серебряную фляжку из кучи вещей на кровати, осмотрел выгравированный герб. – Ну, это не важно. – Зубами вытянул пробку. – Выпьем за победу?

Стивен проигнорировал предложение. Он выпрямился в полный рост, оказавшись на голову выше Родейла, и стальным взглядом смерил того с головы до ног – майор, отчитывающий капитана за провинность.

– Почему вы оказались в этой комнате, капитан? – снова спросил он.

Родейл сделал глоток бренди.

– Не ваше дело, Айвз. А теперь – кругом и марш отсюда!

– Перед вами майор Айвз, капитан. – Стивен сунул руку в карман, вытащил клочок бумаги и высоко поднял его. – Вы вот это искали? Расписку, которую дали Джеймисону – или Гринфилду – все на тот же предмет?

Родейл смотрел на расписку, как голодный пес на кость.

– Нет, это другая, – уточнил Стивен. – Эту вы дали мне. Я всегда держу ее при себе. Как и другие офицеры, которые ссудили вас деньгами. Так, на всякий случай. Ваши карточные расписки имеют обыкновение пропадать, и теперь мне стало понятно почему.

Бросив часы и шкапулку на кровать, Родейл приблизился к нему.

– Вы и впрямь обвиняете меня в воровстве? Вы не осмелились бы сделать это, будь мы в Лондоне.

– Да, мы не в Лондоне, мы на войне, Родейл, и я выше вас званием. Это как в картах. Король бьет валета, даже если этот валет – второй сын графа, которого скоро вышлют на родину. Утром я подам официальный рапорт о сегодняшнем происшествии. А теперь – кругом, и немедленно отправляйтесь в свою часть.

Родейл сжал кулаки, но Стивен смотрел на него в упор, пока тот не опустил руки.

– Не глупите, – прошипел капитан. – Утро может и не наступить. Ни для вас, ни для Джеймисона, ни для Гринфилда. Вот-вот начнется сражение. Что, если вы погибнете?

– Тогда я погибну с честью. А если уцелею, то найду вас. Сначала уверюсь, что вы расплатились по долгам с вашими однополчанами, а потом посмотрю, как вас возьмут под суд за несоблюдение субординации и воровство.

Запрокинув голову, Родейл расхохотался.

– Это если вы останетесь в живых, майор. В сражении то и дело кто-то погибает. Почему вы думаете, что вам повезет? – Капитан убрал серебряную фляжку в карман, не торопясь, не скрываясь, словно имел на это право. Потом, толкнув Стивена плечом, направился к двери. – Увидимся в аду, – крикнул он на прощание.

Стивен не стал его удерживать. Родейл подлец и вор, но сейчас с этим ничего нельзя было поделать.

В своей комнате Стивен снял бальные туфли и забросил их в походный сундук. Затем натянул сапоги, нацепил саблю, заткнул за пояс пистолеты и взял в руки каску. Ему страшно хотелось проверить свои вещи, чтобы убедиться, что Родейл не стащил что-нибудь и у него, но тут горн протрубил тревогу. Он забрал часы, которые ему подарил отец, и небольшой мешочек с монетами. Положил их в карман, где наткнулся на маргаритку, которую вручила ему Дельфина.

В это время года в Англии маргаритки сплошь покрывали склоны холмов. Они цвели повсюду, дикие, прелестные, отважно занимая пространство среди камней, давая побеги в траншеях, и даже осмеливались забираться в сады, где им, бросавшим вызов роскошным розам и лилиям, были совершенно не рады. Прямо как Дельфина! Стивен мрачно улыбнулся, рассматривая жабо из лепестков, и вспомнил ее поцелуй, свои ощущения, когда она оказалась в его объятиях, такая манящая и такая женственная.

Он положил цветок в нагрудный карман вместе с распиской Родейла – маленький кусочек Англии, который будет с ним во время сражения. Вдруг это принесет ему счастье.

Резко развернувшись, он быстро вышел на улицу и присоединился к марширующим колоннам, направлявшимся к югу, на поле боя.

Глава 3

Лишь несколько часов спустя карета Фэрли пробилась через толпу.

– Удивительно: на улице народу больше, чем на балу, – сказала Дельфина.

Элино́р не произнесла ни слова с тех пор, как они покинули бальный зал герцогини Ричмонд. Сестры сидели в карете, пока та едва тащилась по улицам, и разглядывали лица солдат, проходивших мимо.

Элино́р стала называть полки:

– Вот идут ребята из Кембриджширского. А это Шотландский грейский... Гордонские горцы... Теперь сомерсетцы... Какие гордые и прекрасные у них лица.

И хоть глаза ее влажно блестели, Элино́р не проронила ни слезинки. Она внимательно наблюдала за шествием войск.

Дельфина высматривала Стивена и его полк королевских драгун. Она с такой силой стискивала руки, лежавшие на коленях, что те начали ныть. «Вы обязательно вернетесь». Она мысленно раз за разом повторяла эти слова, словно надеясь, что их сила отгонит от него опасность и смерть.

Уже на рассвете они наконец добрались до виллы. Элино́р спустилась из кареты и молча пошла в дом. Дельфина обратилась к кучеру.

– Не распрягайте лошадей и будьте готовы отправиться в любую минуту, – повторила она ему приказ полковника Фэрли.

Обняв себя за плечи из-за ночной прохлады, Дельфина оглядела огромный сад, примыкавший к дому. Еще несколько часов назад он был полон солдат. Они переговаривались между собой, смеялись, о чем-то спорили, коротая дни томительного ожидания.

Без них сад выглядел пустынно. Бледнеющий лунный свет играл тенями на вытоптанной траве. Залитые впопыхах костры продолжали куриться дымом, и от этого казалось, что в воздухе колышутся призраки. Дельфина вздрогнула и направилась к дому.

Перчатки Элино́р лежали на столике в вестибюле. Желтый свет из полуоткрытых дверей библиотеки падал на мощный плиткой пол.

– Элли? – окликнула она сестру, распахивая двери.

Элино́р скатывала бинты, быстро и ловко, не отрывая глаз от работы. Она так и осталась в бальном платье, даже не сбросила накидку. Сидела во всем великолепии атласа и сияющих жемчугов, что-то тихо приговаривая, а пальцы так и порхали.

– Бинтов не хватает, – пояснила она, когда Дельфина коснулась ее плеча. – Я с таким уже сталкивалась. Полотно скоро закончится. Значит, дамам придется порвать на полосы свое нижнее белье, а потом и туалеты. – Она помолчала и, проведя рукой по своему розовому платью, мрачно улыбнулась. – Наверняка brave парни, которых мы сегодня ночью видели марширующими, очень обидятся, когда очнутся и увидят, что перебинтованы моими розовыми воланами.

Ее руки продолжали работать не останавливаясь.

– Принести еще полотна? – спросила Дельфина.

– Прикажи прислуге, а сама сядь рядом, – ответила сестра, не поднимая головы.

Дельфина взяла ножницы и тоже принялась за дело. Ей не терпелось спросить, чего следует ожидать, когда сражение начнется, и чего – когда закончится, но Элино́р явно не была расположена к разговорам. Дельфина никогда не видела раньше, чтобы сестра чего-нибудь боялась. Ей стало интересно: жены военных всегда так ведут себя перед началом сражений или сегодня какой-то особый случай.

Она вспомнила усталое, отрешенное выражение лица Стивена, будто ему уже было достаточно войн и потерь, хотя он и отправился сражаться. Сердце сжалось от страха за него, и она задержала дыхание, чтобы пережить резкую боль в груди. Элинон подняла на нее глаза.

– Ножницы очень острые. Не поранься. На этом полотне и без того скоро будет много крови... – Ее голос прервался.

– Все так плохо? – спросила Дельфина.

Элинон пожала плечами.

– Представления не имею! И нет никакой возможности что-либо узнать. Фэрли понимает, что нас нужно известить как можно скорее. Он пришлет кого-нибудь ко мне с новостями, потому что знает, как я переживаю за него. Ты же видишь, что мне...

Выпустив полотно из рук, она потеряла глаза.

– Элли! – Дельфина схватила сестру за руку, и какое-то время они сидели молча.

Снаружи ветер шумел в ветвях яблонь. Дельфина поднялась, чтобы выглянуть в окно.

– Такое впечатление, что вот-вот, еще до утра, начнется гроза. Я слышу раскаты грома.

Вздохнув, Элинон опять взялась за полотно.

– Опустит занавеси, Дилли. Это не гром. Это вдалеке загрохотали пушки. Сражение началось.

Глава 4

Жеребец под ним нервно переступил, когда ухнули пушки и затрещали ружейные выстрелы. Натянув повод, Стивен оглядел суровые лица драгун, выстроившихся в ряд, чтобы по команде пересечь открытое пространство и навалиться на артиллерийские расчеты французов.

Он вспомнил о Джулии и мысленно пожелал ей счастья. Подумал о сестре, которая недавно вышла замуж и уже была беременна. Теперь она жила в своем новом доме в Кенте. На всякий случай он оставил для нее письмо. Она единственная, кто станет его оплакивать, случись ему погибнуть. Этому изящному и хрупкому созданию пережить столько потерь за свою жизнь! Хорошо хоть, муж ее оказался добрым человеком. Стивен только радовался этому.

Он подумал о Дельфине Сент-Джеймс, вспомнил ее поцелуй. Стала бы она вот так целовать Родейла или какого-нибудь другого партнера по танцам? Что-то в выражении ее глаз подсказало ему – нет! Ее поцелуй предназначался только ему. Ему одному! И он тут же испытал приступ мужского тщеславия.

Его жеребец шарахнулся, когда пушечное ядро ударило рядом, выбросив в воздух столб земли. Стивен заставил коня вернуться в строй. Потом посмотрел вперед, в сторону французского укрепления, и сердце его учащенно забилось. Вот-вот должен был прозвучать сигнал рожка, и тогда они ринутся в атаку. У него даже ноги свело от желания вонзить шпоры в бока коня, броситься вперед и покрыть себя славой, до того как – если! – ему выпадет жребий погибнуть.

– Слабая надежда, что это будет лишь кто-то один, – услышал он чей-то голос рядом. Его глаза неотрывно смотрели в жерла орудий, которые изрыгали огонь и смерть, как раз на тот участок пути, который им предстояло преодолеть на скаку. – Ну, удачи вам.

– И вам, – ответил Стивен.

Рожок просигналил. Выхватив саблю из ножен, Стивен указал ею на врага. Широко раскрыв рот, издал боевой клич, и его конь рванул с места, громадными скачками перекрывая расстояние до цели. Дело должно быть сделано!

Стивен почувствовал, как ветер развеивает волосы, ощутил запах пороховой гари и крови, как жаркое июньское солнце коснулось лица.

– Джулия... – прошептал он.

Человек, с которым он только что говорил – сержант, – попал в переделку. Пуля задела его коня. Стивен увидел, как кровь заструилась по боку животного. Конь взбрыкнул, обезумев от боли. Выдернув ноги из стремян, седок соскочил наземь, а жеребец встал на дыбы. Чудо, что сержант приземлился на ноги, однако его конь в панике умчался прочь, не понимая или не замечая, что потерял всадника. Стивен видел, что кровь залила сержанту половину лица. Вокруг одиноко стоявшей фигуры закрутился хаос сражения. Сержант отирал кровь с лица, но тщетно. Через несколько секунд он будет мертв, сбитый с ног и растоптанный конями атакующих. Человек повернулся лицом к надвигавшейся опасности. В его глазах Стивен увидел предсмертный ужас.

Стивен свесился с коня и схватил несчастного за руку. Перехватив его взгляд, заметил, какое облегчение испытал спасенный. Сержант уперся ногой в сапог Стивена, при этом вцепившись руками в седло. Вот таким образом Стивен домчал однополчанина до относительно безопасного места за тушей убитой лошади, чтобы оставить его там. Он позволил сержанту соскользнуть на землю, и тот окровавленной рукой еще раз пожал майору руку. Потом Стивен развернул коня и бросился в атаку.

Первая пуля попала ему в плечо. Этот удар вышиб весь воздух из легких. Вторая оторвала от его кителя пуговицу, и та закрутилась в воздухе прямо перед лицом. На него тут же обрушилась боль, в глазах закачалось жаркое марево, но руки по-прежнему крепко держали поводья. Он постарался не выпасть из седла и ударил коня шпорами, чтобы животное продолжало нести его вперед.

Третья пуля ударила Стивену в спину. Он ощутил, как свинец, обжигая, прокладывает путь в его плоти. Его бросило грудью на луку седла. Поводья выскользнули из обессиленных рук. Коня тоже ранило. Массивное конское тело закрутилось под ним и рухнуло на бок. Стивен высвободил ноги из стремян, когда животное забилося в агонии, и оно сбросило его со спины.

Падая, он глядел в небо. Лазурный купол застилала дымь сражения. Стивен стиснул зубы, когда ударился о землю. Гром пушек начал ослабевать, а он лежал неподвижно, уставившись глазами на солнце. Боль вдруг прекратилась, на поле битвы неожиданно воцарилась тишина. Всадник на лошади перескочил через него, на миг перекрыв солнечный свет и забросав его комьями грязи, как будто он уже лежал в могиле. И тогда Стивен закричал. Но атака продолжалась без него, все приближаясь к позициям французской артиллерии.

Глава 5

Капитан Родейл обыскивал поле сражения, прижимая платок к носу, чтобы защититься от трупного смрада. Он не сомневался, что найдет Стивена Айвза и заберет расписку. Если Айвз выживет и осуществит свою угрозу, Питер будет уничтожен. Чтобы выплатить сумму, указанную в той расписке, ему придется продать свой офицерский патент и с позором вернуться домой. И это если еще отец предоставит ему кров.

Он оглядел поле. Так много трупов в красных, голубых, зеленых мундирах, и все залиты кровью, которая уже успела почернеть, с неестественно вывернутыми руками и ногами, словно в гротескном танце. Родейл почувствовал, как тошнота снова подкатила к горлу, выругался, споткнувшись, и постарался не думать о том, что ему предстоит. Он видел, как Стивен упал, но не знал, что промахнулся: пуля ушла выше и попала Айвзу в плечо. Питер заметил, как в кителе майора образовалась дыра, как он выгнулся от удара, как кровь хлынула из раны. Однако Айвз удержался в седле и не выпустил поводьев из рук, несмотря на то что Родейл вторым выстрелом попал в его коня. Айвз все еще сохранял сознание, потому что успел соскочить с коня, когда тот начал падать. А затем Родейл потерял майора из виду и покинул поле боя, чтобы подобное не случилось с ним, укрылся на каком-то сеновале и стал ждать, когда стихнет канонада и наступит день. И только потом вернулся для того, чтобы убедиться: майор Стивен Айвз мертв.

Земля скользила под его сапогами, но хорошо хоть пули не свистели над головой. Он не собирался закончить жизнь, как эти несчастные придурки. Помимо убитых здесь были и живые. Мародеры обирали тела, а команды санитаров с носилками выискивали выживших и отправляли в уже забитые до отказа госпитали в Брюсселе. В первую очередь они подбирали офицеров. Не упустить время – вот что становилось самым важным. Родейл оторвал взгляд от груды мертвых тел, но еще более кошмарным был вид раненых. Он перестал заглядывать в лица, чтобы не видеть на них ужаса, следов агонии. Вместо этого начал высматривать драгунскую форму со знакомой желтой окантовкой. Их много пало в той атаке. Ему даже стало интересно: неужели так необходимо найти Айвза или, может, французы уже закончили за него его работу – добились этого мерзавца. Тут лежало очень много тел. Даже он испытал чувство ужаса в этой мясорубке.

Он добрался до того места, где увидел падавшего Стивена Айвза. По крайней мере, ему показалось, что это то самое место или где-то рядом. Трудно было сказать наверняка. Тут лежали с дюжину драгун, совершенно неподвижных, придавленных лошадьми. Это напомнило ему картины, где художники живописали ад. Родейл отвернулся, и его вырвало. Пока будет жив, он не забудет вид этого места, эти стоны, эту вонь. Айвз и в этом был перед ним виноват.

– Воды! – перепачканная кровью рука вцепилась в сапог Родейла, и он посмотрел вниз, на лицо умирающего.

Это был не Айвз. Пинком негодяй отбросил руку и двинулся дальше, не обращая внимания на мольбы. Солнце поднялось к зениту, становилось жарко. Скоро смрад будет переносимым.

Куда ж, к дьяволу, делся этот Айвз? Родейла снова замутило при мысли, что санитары наткнулись на майора прежде него и уже успели унести. Даже в таком состоянии Айвз может дать ход рапорту и, как пообещал, поставить крест на карьере Родейла. У него в кармане лежит эта расписка: с подписью и печатью, абсолютно законная – на кошмарную сумму почти в двенадцать тысяч фунтов.

Отец тут же отречется от него. Родейл однажды уже чуть не разорил семью. Матери пришлось продать драгоценности, чтобы покрыть его астрономические карточные долги.

Он крал семейное столовое серебро и произведения искусства, пока слуги не донесли об этом отцу. Граф Лоуз не простит его. Старший брат и наследник Лоуза, который во всем опережает Питера Родейла, – тоже. Артур смотрел на своего никчемного брата с нескрываемым отвращением, когда поддерживал под руку безутешную мать, наблюдавшую, как деньги, вырученные от продажи ее драгоценностей, скрылись в кармане Питера.

Отец заставил его купить офицерский патент и вступить в армию. Старик Лоуз подумал – понадеялся! – что армия сделает из его бездельника сына мужчину. Последняя угроза Лоуза была самой страшной. Если Питер не вернется с войны героем, если каким-то образом опозорит себя и замарает имя семьи, то пусть лучше совсем не возвращается. Отец умоет руки. Питер не мог позволить этому свершиться. Он слишком любил те удовольствия, которые давало положение графского сына.

Настаивал бы старый мерзавец, чтобы сын вступил в армию, если бы сам оказался на этом поле?

Питер остановился. Впереди он увидел огромную тушу черного жеребца, на котором Айвз пошел в атаку. Он опознал коня по белой звездочке на лбу. «Роскошное животное», – подумал он с грустью, но резко повеселел при виде тела рядом с конем.

Он узнал непокорные белокурые волосы, сплошь залитые кровью, и заторопился вперед. Стивен Айвз лежал на спине, глаза закрыты, заляпанное грязью лицо повернуто к сиявшему на небе солнцу.

Родейл ткнул его носком сапога, и голова Айвза свесилась набок, но сам он не двинулся.

Айвз был мертв. Питер испытал облегчение, как грешник в аду, на которого выплеснули ушат ледяной воды. Он уставился на своего поверженного противника, полный радости. Все-таки удача в конечном счете оказалась на его стороне!

Присев на корточки, Родейл рванул борт кителя, отрывая пуговицы, потом сунул руку внутрь и, поморщившись, нащупал карман. Простак майор сам показал, где искать расписку, когда вытаскивал ее, чтобы помахать перед носом Питера. Теперь бумажка снова перейдет к нему в руки – окончательный триумф над врагом, который для Питера был опаснее любого французского улана. Он ощупал карман, желудок при этом вновь скрутило.

Стал бы Айвз преследовать его? Теперь это было неважно. Мертвые не могут собирать долги и составлять рапорты.

Его пальцы коснулись сложенной бумаги, и в этот момент рука Айвза сомкнулась у него на запястье. Питер подавил крик ужаса. Глаза у Айвза были открыты и смотрели в упор. Питер попытался выдернуть руку, но майор не отпускал. Хватка у него была железная.

– Воды, – потребовал Айвз.

Родейл все-таки сумел вывернуться, отполз как краб в сторону и сел отдышаться, прилонившись к неподвижной туше коня.

Он наблюдал, как Айвз поднял руку и провел по глазам, потом облизнул губы, попытался приподняться и снова затих. Питер перевел дух и подождал, пока майор пошевелится снова. Тот не двигался. Может, ему все это показалось? Или он встретил привидение?

Тут Айвз слабо застонал.

Проклятие! Он все-таки жив.

Питер сунул скомканную расписку в карман и, выругавшись, пополз вперед. Приблизившись к Айвзу, он приподнялся и схватил майора за горло. И почувствовал, как тот напрягся, когда он с силой стиснул руки. Услышал, как Айвз захрипел, хватая ртом воздух. Негодяй еще сильнее сжал руки, чтобы довершить черное дело. Айвз слабо цеплялся за руки убийцы, оставляя на них полосы крови и грязи.

– Умри! – сквозь зубы прошипел Питер. – Умри...

– О, вот еще один живой! – крикнул кто-то у него за спиной, и Питер отскочил от майора.

– Воды... – хрипел Айвз.

– Это ваш товарищ, капитан? – спросил санитар с носилками. Он приложил грязные пальцы к шее Айвза. – Не переживайте, он жив. Сейчас мы отправим его в Брюссель, к докторам.

У Питера язык прилип к небу. Когда санитары подняли майора, чтобы переложить на носилки, раненый вскрикнул. Голова его свесилась набок, Айвз снова потерял сознание. Затем Родейл мог только наблюдать, как команда санитаров двинулась через поле, заваленное трупами, к поджидавшей их повозке.

Он в отчаянии сжал перепачканные кровью руки. Айвз жив! Так на чьей стороне удача теперь?

Когда майор придет в себя, то потребует сатисфакции, выдвинет обвинение, станет рассказывать ужасные вещи – о трусости, о воровстве, о попытке убийства. Питера охватила паника. Он с трудом взял себя в руки. Должен же быть какой-то выход. Выход существует всегда для такого умного человека, как он. Питер посмотрел на свои руки и вдруг испытал отвращение к себе. Никогда ему их не отмыть!

Айвз умрет. Или выживет. Наверняка ему больше не выпадет случай убить майора. Однако он способен нанести упреждающий удар. Его слово будет против слова Айвза. Надо только отыскать это веское разящее слово!

Для благородных джентльменов честь важнее, чем жизнь и богатство. Лишенные чести, такие люди, как Айвз, подобны мертвым. А для таких, как Питер, возможно все. Он коротко улыбнулся и поймал на себе взгляд женщины, одной из тех, что обирали трупы. Чучело востроглазое! Она смотрела на его улыбку с ужасом, а потом, осенив себя крестным знаменем, помчалась прочь. Он поднял было пистолет, чтобы выстрелить в нее, но передумал. Это уже не важно, потому что у него созрел план. Дошагав до края поля, Питер направился в расположение их полка в селении Ватерлоо.

Глава 6

Раненые продолжали прибывать. Дельфина оглядела элегантный вестибюль виллы. Люди лежали везде – в холлах, коридорах, в гостиной, в библиотеке, даже на площадках лестницы. На втором этаже все было точно так же. Раненых разместили и в портновской, и в жилых помещениях для слуг, даже в гостевых спальнях, которые Элинон и Дельфина оставили для себя, но повозки продолжали подъезжать к дверям виллы, доставляя все новых и новых пострадавших.

Прошло уже три дня после бала у герцогини Ричмонд. Буквально через несколько часов солдат, марш которых они наблюдали из кареты, начали привозить назад в Брюссель.

Элинон получила весточку от полковника Фэрли – короткую записку с сообщением, что у него все в порядке и что сражение закончилось. Все висело на волоске, потери были ужасающие, но Наполеон разгромлен и военные действия прекратились. Окончательно!

Но время праздновать еще не наступило.

Как только Элинон узнала, что муж жив и здоров, ее уверенность в себе резко возросла. Она тут же начала уговаривать Дельфину вернуться в Англию, чтобы уберечь молодую незамужнюю леди от зрелища жутких последствий воинского сражения, ран, страданий, горечи осознания того, что часть уцелевших на поле боя раненых выжили лишь для того, чтобы умереть в мирное время.

Дельфина настаивала на том, чтобы остаться, ведь помощниц по госпиталю было мало, да и те устали до предела. Она поила раненых водой, занималась перевязками, а когда и впрямь не хватало бинтов, рвала на полосы свое нижнее белье. Она держала за руки умиравших, кормила с ложечки тех, кому не хватало сил есть самим, или тяжелораненых. Это помогло ей чувствовать себя нужной и живой. Она уже не была избалованной дочкой графа Эйнзли, легкомысленной кокеткой, за которой увивались толпы поклонников. Деньги и титул не имели никакого значения для этих страдальцев. Она была для них воплощением милосердия. Благодарность в глазах раненого за глоток воды значила для нее много больше сотни комплиментов ее красоте.

На то, чтобы остаться в Брюсселе, у нее имелась еще одна причина. Она заглядывала в лицо каждому из новоприбывших, надеясь встретить Стивена Айвза, и при этом молилась, чтобы этого не случилось, чтобы он остался жив, вышел с поля боя и чтобы сейчас где-нибудь отлеживался, цел и здоров. Она слышала о том, что королевские драгуны атаковали французскую артиллерию, и их выбили почти до последнего. Почти! В ней еще теплилась надежда, заставляя двигаться и помогать раненым. Еще она надеялась, что сейчас вот точно так же кто-нибудь ухаживает за Стивеном, если ему требуется помощь. Дельфина расспрашивала всех, кто мог что-либо знать. Она уже охрипла, называя его имя, пытаясь выведать новости о нем.

– Очень большие потери, – сказал ей лейтенант Алан Сойер, покачав головой.

Глаза его стали испуганными, когда она задала вопрос о майоре Айвзе. Они были знакомы с Лондона, где танцевали не на одном балу, флиртовали и весело смеялись. Он был наследником большого состояния и пользовался неизменным вниманием девушек. Захотят ли они сейчас вертеться вокруг него, когда он лишился ноги?

Здесь были и другие ее знакомые, полностью изменившиеся, лишившиеся былой беззаботной веселости. Она улыбалась им, чтобы скрыть печаль, пыталась устроить их поудобнее, вытирала им пот, писала для них письма.

– Дилли! – окликнула ее сестра. Она подняла глаза. Элинон находилась на грани истощения сил. – Там прибыла еще одна повозка. Выйди к ним и скажи, что у нас больше нет

мест. Пускай везут раненых куда-нибудь еще. – Сестра резко развернулась и ушла на крик хирурга, который просил помочь ему.

Дельфина вышла на солнечный свет впервые за два дня. И поразилась. Оказывается, на дворе стояло чудесное летнее утро, как раз такими устраивают свадьбы, приемы в саду и пикники. Розы цвели. Пчелы жужжали. Птицы пели. словно не было никакой битвы. Только грязная, покрытая засохшей кровью повозка, стоявшая перед домом, свидетельствовала об обратном.

– У нас больше нет мест, – прикрывшись рукой от солнца, чтобы увидеть возницу, произнесла Дельфина.

– Ни у кого нет мест, чтобы принять этих. – Возница держался из последних сил. Он спрыгнул с козел, обошел Дельфину и приблизился к задней части повозки. – Брюссель весь заполнен под завязку. И имение Ватерлоо. Всех, кто выдержит дорогу, отправляют в Антверпен. Эти бедолаги не выдержат. – И начал помогать еще одному солдату сгружать первого раненого.

Дельфина заторопилась к ним.

– Подождите, вы же не можете оставить их здесь. У нас даже бинты кончились, не говоря уж...

Краем глаза она заметила белокурые волосы, покрытые кровавой коркой, потом увидела мундир со знакомым желтым кантом. Лицо раненого было все в синяках, в грязи и почти неузнаваемо, но Дельфина поняла, кто это.

– Стивен!

Она задохнулась, выкрикнув одно это имя. Дотронулась до его щеки, потом взобралась на повозку, ощупала руки и ноги, пытаясь понять, куда его ранили. Левая рука майора была неестественно вывернута. Ей стало жутко от количества крови, которая уже засохла на кителе. И от его неподвижности! Она приложила пальцы к его шее, как это делала Элинора. Ощувив слабое биение пульса, испустила глубокий вздох облегчения.

– Заносите его в дом! – приказала Дельфина и проследила, как санитары вытаскивали бесчувственное тело из повозки. Потом забежала вперед и придержала перед ними дверь. Ее глаза не отрывались от лица Стивена. Внизу не оказалось ни дюйма свободного места, чтобы уложить его. – Несите навверх. – Дельфина показала куда.

Переступая через людей, лежавших в холле, санитары зашагали вверх по лестнице. Она провела их к своей комнате, открыла дверь. Элинора настаивала, чтобы спальни оставались только в их личном пользовании: укромный уголок в центре хаоса, – но за последние три дня Дельфина провела у себя не больше нескольких минут. Так что будет лучше предоставить спальню ему.

– Сюда, – указала она на кровать.

Когда санитары осторожно опускали раненого, он издал тихий стон.

– Там еще двое, если они, конечно, живы, – сказал возница, уходя за оставшимися.

Дельфина не обратила на его слова внимания. Она склонилась над майором.

– Стивен? – шепотом позвала она. – Теперь ты в безопасности.

Дельфина почувствовала, как слезы жгут глаза, как комок подступает к горлу. Попыталась убрать с лица Стивена прядь волос, но она слиплась намертво. Ей требовались вода, бинты и...

– Дилли, нельзя позволять им... – В комнату вошла сестра и грозно нахмурилась.

Дельфина не выдержала, слезы заструились по щекам.

– Это Стивен Айвз, Элли. Он еще жив.

С мрачным лицом сестра подошла к кровати и пощупала его пульс.

– Едва-едва, – буркнула она. Повернулась к служанке, которая стояла у нее за спиной. – Быстро приведи хирурга.

– Воды... – Голос Стивена едва различался.

Дельфина схватила графин, стоявший на столике возле кровати, и наполнила стакан. Подложив ему руку под голову, поднесла стакан к губам. Стивен жадно отпил.

– Джулия, – выдохнул он.

Дельфина нахмурилась. Джулия? Это кто? Она осторожно устроила его голову на подушке.

– Я Дельфина Сент-Джеймс, – сказала она.

Стивен нахмурил лоб, словно давая понять, что это неважно, и потерял сознание.

Сердце у Дельфины билось где-то в горле. Она проглотила слезы. Потом, налив воды в таз, поднесла его к постели и принялась обмывать лицо раненого.

Стивен слышал, как шуршит полотно, или, возможно, это было женское платье. В воздухе висел запах луговых цветов и мяты. Но стояла ночь и ничего не было видно. Он не мог понять, где находится. Все еще в Вене? В Брюсселе? Или в Лондоне? Потом вспомнил о сражении. Вслушался, но пушки молчали. Значит, все закончилось. У него не было никакого представления о том, кто победил. Снова послышалось шуршание.

– Кто здесь? – слабым голосом спросил он.

Шуршание материи стало громким, приблизилось, и он почувствовал, как на лоб легла прохладная рука.

– Стивен? – Он почувствовал аромат духов, слабый и знакомый. – Очнулся, – произнесла женщина громче.

Стивен повернул голову на голос и тут же сообразил, что этого не стоило делать. В голове словно взорвался фейерверк. Он стиснул кулаки, словно усилием воли можно было прекратить приступ. Это только добавило боли, которая растекалась вверх по руке и плечу.

Значит, ранен, подумал Стивен, задохнувшись. Насколько тяжело? Он снова попытался привстать, не торопясь, осторожно, и мучительная боль охватила все его существо. Он сжал зубы, чтобы не закричать. Непонятно было, куда он ранен. Это была пуля из мушкета, удар сабли или удар кавалерийским копьём? Волны белой раскаленной боли грозили затопить его. Он с трудом хватал воздух ртом. Нежная ладонь снова коснулась лба, успокаивая, будто он был ребенком, которого мучают ночные страхи.

Где он? Стивен вспомнил, как прозвучала команда к атаке и как он ударил коня шпорами, вспомнил пламя, которые изрыгали французские пушки. А потом... темнота.

Его уши уловили звук шагов. Почему никто не подаст свечей?

– Он очнулся, – повторил женский голос, тихо и с надеждой. – Это ведь хороший признак, да?

Хороший признак. Все настолько серьезно?

– Возможно, – сердито ответил какой-то мужчина.

Стивен почувствовал запах табака и понял, что мужчина наклонился к нему. Он лежал неподвижно, пытаясь оценить тяжесть своих ран. Дышать было больно – значит, сломаны ребра. Или это последствия операции? Левая рука и плечо горели огнем, пульсировали болью, словно сам дьявол глодал их. Сломал, наверное. Или это начало гангрены? Почему тогда он не чувствует запаха гниения? И почему здесь присутствует женщина, если он так чудовищно искалечен или так серьезно болен? Захотелось узнать, давно ли закончилась битва. Не терпелось спросить, какой сегодня день, но тут кто-то начал ощупывать его голову, и боль заставила забыть обо всем. Он попытался поднять руку, чтобы отогнать мучителя, но рука не подчинилась ему. Пальцы майора бессмысленно поскребли по простыне, и тут кто-то взял его за руку.

Ощупывание закончилось, но боль не прошла. Стивен услышал, как полилась вода в таз, как кто-то начал мыть руки, и почувствовал запах мыла.

– Он будет... – Женщина не закончила вопрос.

Стивен почувствовал, как ее рука крепче сжала его пальцы.

– Будет ли он жить, вы имели в виду? Если температура спадет, может, и выживет. Он еще не до конца пришел в себя. Дайте ему отдохнуть. Я еще раз зайду этим вечером.

Этим вечером? Сколько еще часов до него?

– Который час? – Голос прозвучал как шуршание гравия.

– Все в порядке, Стивен. Она выпустила его руку, и он снова услышал шум льющейся воды, почувствовал, как холодный платок оказался у него на лбу, снимая грозившую бедой лихорадку.

– Кто здесь? – спросил он. Ее голос был мучительно знаком, но имя плавало где-то на периферии сознания. Она знает его имя, но кто это? – Джулия? Доротея?

Сиделка убрала со лба платок и замерла на миг.

– Это я, Стивен, Дельфина Сент-Джеймс. Вы меня не узнали?

Ну конечно! Он сразу вспомнил ее поцелуй. Он облизнул губы, которые оказались сухими и потрескавшимися.

– Что вы возитесь в темноте? – спросил Стивен. – Зажгите свечу, я хочу вас разглядеть.

– В темноте? – В ее голосе послышалось удивление, что не понравилось ему. – Зачем? Сейчас едва миновал полдень.

Беспокойство мурашками побежало по спине, и это было так же мучительно, как боль.

– Тогда распахните шторы! – отрезал он. – Тут темно как в преисподней.

Стивен услышал, как платок шлепнулся в таз, как зашуршало ее платье, когда она подошла к окну, как зашелестели раздвигаемые занавеси. Он по-прежнему ничего не видел.

– Зажгите свечи, – приказал Стивен, беспокойство которого переросло в страх. – Зажгите свечи!

Она стояла так тихо, что ему показалось, будто ее уже нет в комнате. Но потом послышалось легкое стаккато ее шагов и звук открываемой двери.

– Доктор! – крикнула она. – Вернитесь! Он ничего не видит!

Ослеп? Это слово целиком заполнило его сознание, превратив физическую боль в ужас. Он открыл глаза как можно шире, чтобы доказать ей, что она не права, попытался освоиться с темнотой, но ничего не увидел! Через силу поднес руку к лицу, преодолевая мучительную боль, которую спровоцировало это движение. Потер глаза, ощупал синяки и порезы на своем лице. Темнота по-прежнему не отступала. Он растопырил руки, чтобы дотронуться хоть до чего-нибудь, но вокруг была пустота.

Тут она перехватила руку раненого, он вцепился в нее, словно это была сама жизнь. И испытал замешательство, когда почувствовал, как горячие слезы заструились по его лицу.

– Нет, – сказал он. – Нет!

– Я с тобой, – прошептала она. – Ты остался жив.

И что? Она объявила об этом так, словно он выиграл приз. Стивен уставился в темноту и не увидел там ни проблеска жизни.

Глава 7

Стивен Айвз ослеп. Дельфина стояла в саду и вглядывалась в темноту роскошной июньской ночи, пытаясь представить, что он испытывает сейчас.

Доктор осмотрел его и не нашел ни одной причины для слепоты. По крайней мере, его раны не имели отношения к глазам. Глаза оставались такими же ясными и серыми, какими были всегда, если только не считать выражение ужаса, которое наполнило их, когда он осознал, что больше не может видеть...

Дельфина зажмурилась и вслушалась в окружающие звуки. Ветер шумел в ветвях деревьев, слышались приглушенные стоны раненых, вдалеке кто-то пел грустную песню о том, как солдат все воюет и воюет – в одном сражении, в другом, – и нет ему отдыха. Она ощутила запах лилий. Их тяжелый аромат почти перекрывал ужасный смрад, доносившийся с поля сражения с каждым порывом ветра. Много убитых все еще лежали там в ожидании похоронных команд, чтобы упокоиться в земле.

Не открывая глаз, Дельфина дотронулась до каменной балюстрады, окружавшей террасу. Ни о чем не задумываясь, она проходила вдоль нее несколько раз, торопливо поднималась и спускалась по лестнице, которая вела на лужайку. Как далеко отсюда до начала лестницы? Сколько в ней ступенек? Десять, наверное? Дюжина? С закрытыми глазами она двинулась вперед, нащупывая ногами место, прежде чем ставить их. Насчитала десять шагов, боясь споткнуться каждую минуту. Остановилась. Сердце ее было готово выпрыгнуть из груди. Когда Дельфина открыла глаза, то оказалось, что она стояла на самой верхней ступеньке лестницы, лицом к темному саду. Еще шаг, и она полетела бы вниз. Отступив назад, Дельфина схватилась за балюстраду.

Без зрения окружающий мир превращался совсем в другое место. Он становился частью памяти, где существовало только прошлое, где не было никакой надежды увидеть что-то новое. Помнит ли Стивен последний бал, помнит ли ее лицо? Именно такой он будет представлять ее всегда. Для него она никогда не постареет. Какая леди не пожелает навечно остаться юной и красивой?

А ее отец – видит ли он по-прежнему в ее матери ту молодую красавицу, на которой женился? Обращает ли внимание полковник Фэрли на то, как время накладывает свой отпечаток на лицо Элинон, продолжает ли любить ее улыбку, пока весны сменяются зимами и проходят годы? Дельфина вспомнила, какой была ее сестра в день свадьбы, и какой стала сейчас – усталой, измотанной, с глазами, полными сострадания. Конечно, теперь она стала еще красивее. Дельфина вспомнила день, когда у сестры родился сын. Тогда Элли тоже была утомленной, но сияла от радости. Дельфина заметила взгляды, полные любви и гордости, которыми сестра обменивалась с мужем в тот день, и почувствовала, как у нее перехватывает дыхание.

А что, если бы Фэрли ослеп и не смог увидеть своего новорожденного сына и улыбку Элинон? Ничего, кроме памяти, у него бы не осталось. Разве этого достаточно? Возможно, любовь умирает в темноте, потому что нет возможности насладиться и напитаться видом своего возлюбленного.

Дельфина подняла руку, повертела ею туда-сюда, внимательно рассмотрела. Она никогда не задумывалась об этом. Воспринимала восход солнца, закат, зелень травы, серебряное мерцание луны как нечто само собой разумеющееся. Что, если вид всех этих вещей – абсолютно всего! – неожиданно станет недоступным?

Стивен Айвз был солдатом и дипломатом. Дипломат обладает способностью считывать настроение других людей, собирать информацию, наблюдая за ними. А солдат не сможет ни воевать, ни командовать без зрения. Ей вдруг стало не по себе. Теперь вся жизнь Стивена

будет зависеть от других, от тех, кто станет его глазами, кто будет объяснять, что происходит вокруг. Он станет беззащитным без постоянных помощников.

Она видела в нем потенциал прекрасного мужа – умного, красивого, смелого. Кто теперь станет настолько же храбрым ради него?

Он звал какую-то женщину – Джулию. Сможет ли она сделаться его глазами, его руками? Любить слепого – на это отважится только незаурядная, особенная женщина.

Дельфина снова внимательно рассмотрела свою руку. А она, Дельфина, особенная?

Ради него она бы попыталась стать такой. Всю жизнь ее баловали, холили и лелеяли – отец, мать, даже брат. Она получала все, стоило только пожелать, за исключением Стивена. Он был единственным мужчиной, который не прельстился ею, и единственным, кто был ей небезразличен. Стивена не соблазнило ни ее богатство, ни положение отца – титулованного тори. Все наоборот! Именно из-за этого он избегал ее, посчитав великосветской кокеткой, полной снобизма. И его можно понять. Он, дипломат, видел в человеке суть. Но ей и хотелось как раз этого – чтобы в ней ценили личность: ум, умение высказать свое мнение, оригинальные идеи. Ей хотелось быть самостоятельной, независимой и чтобы ее любили так, как Фэрли любит Элинора. Дельфина перестала притворяться, перестала быть такой, какой ее хотели видеть отец – из-за своих политических амбиций – и мать – из-за притязаний стать главной фигурой в великосветском обществе. Все изменилось в ту ночь, когда она встретила Стивена Айвза, не догадываясь об этом. Тогда Стивен отвернулся, и внимание и обожание в его глазах сменилось пренебрежением. Это был тяжелый удар.

Дельфина через окно заглянула в библиотеку, заставленную койками. Эти четыре дня она отдавала раненым все, в чем они нуждались, и ничего не требовала взамен. Она чувствовала себя более живой, более человеческой, чем раньше.

Отступив назад, Дельфина оказалась в прямоугольнике света, который падал на террасу из окна ее спальни. Стивен хотел, чтобы свет в комнате горел день и ночь на всякий случай – если он вдруг проснется и снова будет видеть. Стивен не переставал надеяться на это. Надежда есть всегда! Она чувствовала, что маленький огонек надежды теплится и в ее груди.

Что станет с ним, если не вернется зрение? Через несколько недель она уедет в Лондон, чтобы вновь выполнять обязанности дочери графа. Будет заполнять дни визитами либо принимать визитеров, играть на рояле, ходить на приемы, убивать время. Ей не нравилась эта идея. Разве она сможет танцевать, флиртовать и музицировать, если побывала здесь, увидела совсем другую жизнь? Той, прежней Дельфины больше не существует.

Она посмотрела на горящую лампу в своем окне. Теперь у нее есть выбор.

Стивен нуждается в ней. Настало время повзрослеть.

Глава 8

– Если коротко, майор, у вас два сломанных ребра. Левая рука тоже сломана. Я извлек из вас три пули: одну из плеча и две из спины. Вам повезло, что они не поразили какой-либо жизненно важный орган. Я сохранил пули на тот случай, если вам захочется на них взглянуть... – Тут хирург сообразил, что сболтнул что-то не то, и умолк.

Стивен представил, как покраснело лицо доктора. Сам он сохранял бесстрашие и продолжал молчать.

– Некоторым военным нравится носить пули с собой: как талисман на удачу или что-то в этом роде, – продолжил доктор. – Еще вы изукрашены ссадинами и синяками, что неудивительно, но, на мой взгляд, если ни одна из ваших ран не загноится, жить будете.

– А глаза? – спросил Стивен. Он затаил дыхание в ожидании врачебного приговора. Ребра заныли, но сейчас он не обратил на боль внимания. – Видеть я буду?

Стивен услышал скрип стула: это доктор заерзал и вздохнул, – и его обдало новой волной табака.

– Не знаю. Сами глаза не пострадали. Возможно, вы получили удар по голове. Ничего такого не припоминаете?

– Нет.

– Ну, это даже и неважно. Я видел такое огромное количество солдат, которые не могут вспомнить подробностей боя. Вполне возможно, зрение к вам вернется. Возможно, и нет. Узнаем со временем.

– И как долго это продлится?

– Совершенно невозможно предугадать. – В голосе доктора появилась нотка раздражения.

Стивен смотрел в потолок, вернее, туда, где потолок, по его расчетам, должен был находиться. Он не мог увидеть его, и, может, никогда не увидит. Майор нахмурился при мысли о том, что простой взгляд вверх и возможность увидеть там обычный белый прямоугольник может принести несказанную радость.

Он услышал, как доктор встал, как звякнуло стекло, послышался звук льющейся воды. Потом в воздухе повис знакомый горький запах.

– Никакого лауданума, – резко отказался Стивен.

– Пожалуйста, майор. Это поможет вам заснуть, облегчит боль. – Доктор заговорил ласково и певуче. Таким тоном уговаривают капризных детей.

– Я не буду принимать это средство, – настаивал Стивен.

Его сестра принимала лауданум после жуткой трагедии, когда потеряла первого мужа и ребенка. У нее возникла зависимость, которая чуть не убила ее. Он сильнее боли, к тому же – солдат. И сможет встретиться со своими демонами лицом к лицу. Даже в темноте, даже в одиночку.

Послышался тихий стук в дверь.

– Войдите, – крикнул доктор.

Стивен насторожился, услышав, что в комнату кто-то вошел, потом уловил легкий запах духов и понял: это Дельфина, – узнал и ее шаги, легкие и быстрые.

– Добрый вечер, доктор. Как он?

– Отказывается принимать обезболивающее, миледи. Могу я попросить вас уговорить упрямаца?

Доктор заговорил мягко, ласково, и это свидетельствовало о том, что он явно неравнодушен к леди Дельфине. Стивен представил, как она в ответ улыбнулась доктору, обворожив одним взмахом ресниц, и испытал короткий приступ... ревности? Желания?

– Я постараюсь, но к раненому пришли посетители и настаивают на немедленной встрече.

– Можете говорить со мной напрямую, я ведь здесь, – объявил Стивен. – И с ушами у меня все в порядке. – Он услышал ее легкий вдох. Это из-за чувства вины или она рассердилась на его упрек?

– Ну конечно. Извините. Я просто зашла посмотреть, закончил ли доктор осмотр, – терпеливо объяснила Дельфина. Он уже раскаивался, что заговорил с ней так резко. – Николас Темберлей и полковник Фэрли ждут внизу. Вы не откажетесь принять их?

– Ник?

Николас Темберлей был одним из его старых друзей. Они бились вместе практически во всех сражениях – плечом к плечу. Это такая радость – встретиться с Николасом! Тут радость мгновенно угасла. Ему не хотелось, чтобы кто-нибудь увидел его в таком состоянии. Стивен не гордец, но ему было небезразлично, каким предстанет перед друзьями.

– Ник был ранен? – поинтересовался он.

– Нет, с ним все в порядке. Несколько ссадин и синяков, но Мэг изо всех сил хлопочет над ним, – беспечно произнесла Дельфина.

– Она тоже пришла?

– Нет. Вообще-то вид у Николаса... – Она помолчала. – ...довольно серьезный и официальный. Даже со мной, а я знаю его с детства.

Ему вдруг стало трудно дышать. Ник пришел с плохими новостями, о которых может сообщить только близкий друг? Что-то случилось с его сестрой или, может, с Джулией, если Николас хочет встретиться с ним?

– Заходите. – Он услышал голос Дельфины, потом стук придвигаемых к кровати стульев.

– Стивен... – Николас пожал ему руку. И задержал в своей на секунду дольше, чем было необходимо.

Жалеет. Стивен так понял этот жест. Его лицо вспыхнуло. Он был рад, что не может видеть выражение глаз Николаса.

– Айвз... – поздоровался полковник Фэрли, даже не подумав подать ему руку.

Стивен принужденно улыбнулся.

– Уверен, вы в гораздо лучшем состоянии, чем я. Мы победили? Наполеон наконец разгромлен?

– Да, мы победили. Все закончилось, и на этот раз навсегда, – ответил полковник Фэрли.

– Значит, не все потери бессмысленны, – беззаботно заявил Стивен, предположив, что мрачный тон полковника связан с его плачевным видом. Ему опять стала интересна собственная внешность. Его никогда не волновало, хорош он собой или нет. Он и так знал, что хорош. Вернее, догадывался. Если сейчас он покрыт шрамами и изувечен, лучше не показываться перед людьми, вызывая у них жалость. – А как Мэг? – обратился он к Николасу.

– Оставим любезности, Темберлей, давайте к делу, – заговорил своим особым командным голосом полковник Фэрли. – Дельфина, отправляйся вниз и подожди там с Элли. Это не для твоих ушей, – приказал он свояченице.

Она подчинилась беспрекословно, как это делал любой солдат полковника: вышла из комнаты и плотно закрыла за собой дверь.

Стивен моментально собрался и мысленно вытянулся по стойке «смирно», не в силах сделать этого физически.

– Мы получили рапорт, – начал Николас. – Я сомневаюсь, что в нем есть хоть частица правды, но нам нужно все проверить.

– Вы знаете сержанта по имени Холлет? – спросил полковник Фэрли.

– Нет. Он из нашего полка? – уточнил Стивен.

– Да. Но он, судя по всему, знает вас, – заметил полковник. – По крайней мере, в лицо. Во время сражения он был ранен в руку. Пока его перевязывали, он выдвинул обвинение. Хирург, который вытащил из него пулю, настаивает, что Холлет подписал его собственноручно. Его заявление передали мне вчера.

– И оно каким-то образом касается меня? – спросил Стивен.

– Сержант Холлет обвиняет тебя в трусости на поле боя, – хрипло произнес Николас. – Он утверждает, что видел, как ты развернулся и покинул ряды атакующих, забыв о долге и предоставив своих людей самим себе. Когда он попытался остановить тебя, ты выстрелил и ранил его.

Эти слова потрясли Стивена.

– Ты же, конечно, не веришь в это?

– Конечно, нет, – ответил Николас, однако Стивен уловил что-то странное в его голосе. У него все сжалось внутри.

– Ты искренне веришь в то, что я мог сбежать с поля боя, Ник? Сколько раз мы бились с тобой бок о бок? Сколько раз я прикрывал твои тылы, а ты прикрывал мои?

– Меня не было в последнем бою, – уклонился от ответа Николас.

– Но ты веришь совершенно незнакомому человеку, сержанту, которого я знать не знаю?

Полковник Фэрли откашлялся.

– Мы должны расследовать обвинение. Вообще-то Темберлей предпринял кое-какие усилия после того, как пришло это письмо.

– Значит, вы уже знаете, что это ошибка. – Приложив руку к перевязанной груди, Стивен попытался сесть, чтобы быть лицом к лицу со своими обвинителями, но боль отбросила его на подушки.

– Есть кое-что еще, – добавил полковник Фэрли.

– И что именно? – осведомился Стивен.

– Дополнительные обвинения. В воровстве. На вашей квартире обнаружили личные вещи ваших однополчан, о которых они сообщили как об утерянных. – Полковник не церемонился.

– В воровстве? – задохнулся Стивен. Накатила тошнота. Он услышал хруст бумаги.

– Там были часы, принадлежавшие лейтенанту Гринфилду, и кошелек с инициалами капитана Джеймисона, пустой, а также миниатюра, изображавшая леди с золотистыми локонами. Ее опознали как даму сердца лейтенанта Мура. Найдено еще кольцо, принадлежавшее ему же, которое украшал рубин, когда лорд Мур в последний раз видел его. Сейчас камень отсутствует.

Стивен был настолько ошеломлен, что забыл о боли.

– Эти люди... мои однополчане. Вы думаете, что я крал у них?

– Я повидался с ними, Стивен. Мур был тяжело ранен. Он узнал портрет и свое кольцо перед смертью, – произнес Николас. – Другие дополнили список пропавших вещей за последние несколько недель, хотя ни одну из них в твоей квартире и не нашли. Кое-кто предположил, что либо ты, либо твой сообщник, если таковой есть, мог уже продать их.

Николас был его старым другом, они воевали вместе, а теперь он говорил так, словно верил в вину Стивена. Они пили вместе, устраивали скачки, фехтовали... но теперь в голосе Николаса не чувствовалось даже намек на теплоту.

– Ты веришь, что это правда? – снова спросил Стивен.

В ответ Николас промолчал. Тьма стала удушающей.

– Расследование выявило и другие факты. Не то чтобы обвиняющие вас, но вполне допустимые, потому что они говорят о вашем характере, – опять вступил в разговор полков-

ник. – Майор Гарри Кэпдейл рассказал, например, вот что. Он давний друг лорда Чарлза Стюарта – брата лорда Каслри. Служил в Вене, как раз когда вы там находились. Вы его помните?

– Конечно, – сказал Стивен.

Стюарт отвечал за безопасность британской делегации, хотя большую часть времени беспробудно пил и создавал кучу проблем. Кэпдейл был его любимым собутыльником и участником дебошей. Стюарт домогался Джулии Лейтон, а когда получил от ворот поворот, начал строить козни Стивену, потому что он взял ее в компаньонки к своей сестре.

– Кэпдейл поведал, что вы имели отношение к краже кое-каких драгоценностей, принадлежавших леди Каслри. Кроме того, вы постоянно манкировали своими обязанностями, водились в Вене с дамами, не отличавшимися высокой моралью, с ворами и разбойниками. Как только здесь, в Брюсселе, возникли слухи о ваших предполагаемых преступлениях, Кэпдейл начал рассказывать подобные истории всем, кто был согласен его выслушать, – продолжил полковник Фэрли. – На свет выплыло и другое. Ваши однополчане описывают вас как человека неразговорчивого, необщительного и себе на уме.

Стивен мысленно помянул Стюарта и Кэпдейла недобрым словом. Да, он испытывал неприязнь к Стюарту, да, помог расстроить заговор французов, готовившихся дискредитировать англичан. Да, это включало в себя кражу документов. Правдой было и то, что он платил Джулии Лейтон, но только потому, что собственный отец лишил ее содержания. И это случилось после того, как репутация юной леди была уничтожена из-за ее общения с Томасом Мерритом, известным в определенных кругах вором драгоценностей. Но оба они – и Джулия, и Томас – решали весьма щекотливую проблему в интересах королевской власти, в чем им содействовал Стивен. Это была секретная миссия, почетная миссия, и, даже если Стюарту были известны какие-то отдельные детали операции, всей правды он не знал. Операция до сих пор оставалась секретной. Поэтому Стивен не мог говорить о ней открыто, даже сейчас.

– Состоится трибунал по этому поводу? – Он стиснул зубы.

– Вы ничего не намерены отрицать? – спросил полковник Фэрли. – Даже факта воровства?

– Разумеется, я отрицаю все!

– Вы сможете обеспечить себе защиту против обвинения? – не отступал Фэрли.

– Конечно, смогу. Где сейчас сержант Холлет? Одного взгляда на меня ему будет достаточно, чтобы признать свою ошибку.

– Я продолжаю разыскивать его. Госпитали полны, много народу размещено по частным домам, – пояснил Николас. – Некоторых переправили в Антверпен. Я отправил людей организовать поиски там. Может, ты терял какие-то личные вещи. Это, возможно, помогло бы тебе.

Стивен нахмурился.

– Я не проверял, да теперь и не смогу. Часы при мне. Среди моих вещей есть еще портрет Доротеи, а так ничего особо ценного.

Николас что-то положил ему в руку.

– Это твои часы, их нашли в твоем мундире вместе с кошельком, полным монет.

Стивен сжал руку. Металл мгновенно нагрелся.

– Их не украли мародеры?

– Элинор нашла их в нагрудном кармане, когда ты прибыл сюда.

– А что еще там лежало? – поинтересовался Стивен.

– Ничего, – сказал Николас. – Там было что-то еще?

Расписка и цветок. Но не мог же он описывать полковнику Фэрли, как Дельфина поцеловала его перед сражением и подарила маргаритку на счастье. Они могли просто выпасть из кармана и затеряться на поле, предположил Стивен.

– Я не трус и не вор, – не стал вдаваться в объяснения Стивен и понял, как неубедительно это звучит. У него не было доказательств. Он лежал беспомощным, пока его имя, репутацию и честь рвали на части. – Мне дадут время до трибунала, чтобы залечить раны и найти доказательства моей невиновности? Уверен, что кто-то видел меня на поле боя. Уверен, когда найдется сержант Холлет, он поймет, что с кем-то меня спутал. – Он снова попытался приподняться, преодолевая боль и подчиняя своей воле разбитое тело.

Николас удержал его и уложил на подушки.

– Мы подадим прошение об отсрочке трибунала, – пообещал он. – От последствий сражения сейчас страдают все офицеры.

– Я смогу дать вам несколько недель... возможно, немного больше, – добавил Фэрли. – Советую вам воспользоваться этим временем с умом, если сможете, Айвз. У вас всегда была кристально чистая репутация, и мне совсем не хотелось бы, чтобы вы потеряли офицерский патент в результате ошибки.

Стивен услышал, как он вышел из комнаты, и тихо позвал:

– Ник?

– Я здесь.

– Ты мне веришь?

Николас долго молчал. Стивен представил, как друг взглядом ощупывает его лицо, пытаюсь обнаружить следы вины. Он постарался придать лицу бесстрастное выражение. Наконец Николас вздохнул, поерзав на стуле.

– Это какой-то абсурд. Ты самый благородный человек из тех, кого я знаю, но все складывается не в твою пользу.

– Что мне делать? – Стивен уставился в темноту. Он не мог ничего видеть. Он даже не мог сесть на кровати.

– Сначала мы найдем Холлета.

– Мы? – переспросил Стивен.

– Мы, – решительно подтвердил Николас.

Прежде чем Стивен успел поблагодарить его за поддержку, дверь снова открылась.

– О, я думала, ты тоже ушел, Николас. Я видела, как полковник Фэрли спускался по лестнице, – сказала Дельфина. – Все в...

– Все в полном порядке, – перебил ее Стивен.

– Я как раз ухожу, Дилли, – повернулся к ней Николас. – Мэг рассчитывает, что ты нанесешь ей визит, когда появится время.

Стивен услышал, как он чмокнул ее в щеку и вышел из комнаты.

Дельфина подошла к кровати и принялась подтыкать простыни, потом положила ему руку на лоб, проверяя, есть ли жар. Она всегда так делала, когда приходила к нему. Мало ему уже пережитого стыда! Может, теперь она начнет злорадствовать и, прикрываясь веером, собирать сплетни о нем на следующем балу? Он резко отстранился, и Дельфина убрала руку.

– Я пришла посмотреть, не нужно ли вам чего-нибудь.

– Ничего не нужно, – отрывисто произнес Стивен.

– А лауданума от боли? – спросила Дельфина теперь не столь уверенным тоном.

– Нет. – Он отвернулся и закрыл глаза.

– Хорошо, – сказала Дельфина. – Лучше не...

– Да что вы знаете об этом? – прорычал он. – Именно вы?

Дельфина долго стояла молча, потом Стивен услышал, как она легким шагом направилась к двери.

Дельфину разбудил пронзительный крик, от которого волосы встали дыбом. Отбросив одеяло, она быстро накинула халат.

Стивену привиделся кошмар. Он метался по постели, размахивал кулаками, отражая удары невидимого врага. На перевязанном плече появилось большое кровавое пятно, и Дельфина испугалась, что у него открылась рана.

Она села на кровать рядом и обхватила его лицо ладонями.

– Тш-ш, тихо-тихо, это просто сон. – Она стала успокаивать его, как ребенка. – Все уже прошло.

Стивен вырывался, и ей пришлось прижать его к себе и что-то нашептывать на ухо, чтобы он затих. Не зная, что предпринять дальше, она запела колыбельную, которой ее научила нянька и которую она не вспоминала до этой минуты.

Потом он наконец затих и уткнулся лицом в ее шею. Его теплое дыхание касалось ее кожи. Дельфина чувствовала, как он дрожит. Поэтому погладила по голове и подождала, пока Стивен заснет. В кошмарах он тоже слеп? Возможно, во сне он вновь переживает события боя, вновь ощущает, как пули пронзают плоть. Или этот ужас связан с какими-то последними событиями?

Дельфина не знала, о чем Фэрли и Николас говорили с ним. Только Николас уходил от него мрачным и озабоченным. Фэрли отозвал Элинора в сторону, и они о чем-то пошептались. Видно было, что сестра пришла в смятение. Потом она сказала Дельфине, что майору Айвзу назначили еще кого-то в помощь со следующего утра, поэтому ей лучше к нему не заходить. Проблема была в том, что Дельфина спала в перевязочной, смежной с этой комнатой, и, несмотря на запертую дверь, все равно его слышала.

– Но почему я не могу ухаживать за раненым? Разве не лучше, если он будет слышать знакомые и дружеские голоса и понимать при этом, что мы с ним рядом?

– Это неприлично. Само по себе плохо уже то, что ты находишься здесь. Если отец узнает или, хуже того, мать... – Элинора покраснела. – Держись от него подальше. Ясно?

– Нет, не ясно, – запротестовала Дельфина. – Я целые дни проводила возле него. А сейчас вдруг это почему-то стало недопустимо.

Сестра яростно глянула на нее.

– Это приказ. Майора Айвза скоро перевезут отсюда. Фэрли хочет, чтобы он покинул наш дом как можно скорее.

– Покинул? Но он ведь нетранспортабелен! – возмутилась Дельфина. От потрясения ей стало трудно дышать.

Элинора с жалостью посмотрела на сестру.

– Я знаю, когда-то майор нравился тебе, Дилли. Но ты должна понять: сейчас даже связи в обществе будут с ним невозможны, и отец никогда не разрешит брак с ним. И Фэрли – тоже. Это бесчеловечно – подавать надежду лорду Айвзу.

Стивен сейчас, наверное, и не надеялся ни на что. Только мечтал, чтобы кончилась боль и вернулось зрение. Ей так казалось. Какая жестокость – пренебрегать им только потому, что он ослеп. Или дело не только в этом? Что-то неуловимое промелькнуло тогда в глазах Николаса, а теперь проявилось в резкости, с которой говорила Элинора. Спорить с ней не имело смысла: все равно ничего не скажет, только примется настаивать на том, чтобы немедленно отправить ее в Англию.

– Я буду ухаживать за ним так же, как и за остальными ранеными, ничуть не выделяя. Тебя это устроит?

– Да, – устало согласилась Элинора.

И вот теперь, в глухой час ночи, одетая всего лишь в нижнюю сорочку, она держала Стивена Айвза в объятиях, укачивала, успокаивая, потому что никто, кроме нее, не мог

этого сделать. Его голова покоилась у нее на груди. Его дыхание было теплым и легко касалось ее кожи. Она сказала себе, что это совсем не любовные объятия. Так матери убаюкивают детей, так сестры облегчают страдания братьев. Это просто проявление человечности. Закрыв глаза, Дельфина застыла, чтобы только не потревожить Стивена. Пусть он пользуется ее силой. Ей хотелось облегчить его боль.

Дельфина подождала, пока его дыхание стало глубоким и ровным. Поцеловала в лоб и осторожно уложила в постель. Стивен вздохнул, но не проснулся. Утром он даже не вспомнит, что она была здесь.

Никто не может быть лишен покоя и ухода. И не важно, что он натворил.

Глава 9

– Ты нашел Холлета? – первым делом спросил Стивен, когда Николас навестил его через несколько дней.

– Нет. Никаких следов. Его могли отослать обратно, в Англию. – Стивен услышал разочарование в голосе друга. – И тех, кто видел тебя на поля боя, я тоже не отыскал, – осторожно добавил Николас.

– Но я был там, – запротестовал Стивен. – К черту, Ник! Ты что-то недоговариваешь. Что еще случилось?

– Боюсь, слухи широко разошлись. Люди только об этом и говорят, обсуждают твои проступки. Сначала я подумал, что это даже к лучшему – объявятся свидетели, которые знают тебя, которые смогут замолвить за тебя словечко.

– И?.. – поторопил его Стивен.

– Те, кто помнит тебя по Испании, говорят, что в Брюсселе ты стал совершенно другим человеком – замкнутым, молчаливым и некомпанейским.

Это была правда. Он приехал сюда после Вены с разбитым сердцем, поэтому, чтобы пережить потерю Джулии, мужским компаниям предпочитал одиночество, однако свои обязанности выполнял скрупулезно. Как, впрочем, и всегда! Вот только свободное время проводил в одиночку.

– И что с того? – резко спросил он.

– Я просто передаю то, что говорят, старина. Послушай, возможно, будет лучше, если ты бросишь Брюссель и вернешься домой.

– Домой? – Само слово показалось ему каким-то непривычным. – Я дипломат. Меня отправили в Вену, потом перевели сюда. Я был абсолютно уверен, что потом последует новое назначение за границу. У меня даже дома своего в Англии нет.

– Вообще-то я уже подумал над этим. Ты можешь поселиться в моем имении.

Деваться было некуда. Конечно, есть еще Доротей, но Стивен сразу отверг эту мысль. Сестра недавно вновь вышла замуж, а сейчас ждет ребенка и живет с мужем в его поместье в Кенте. Он не мог себе позволить виснуть грузом на шее у нее и своих новообретенных родственников, в особенности сейчас – раненым и опозоренным. Сестра была созданием хрупким, и он не мог отправиться к ней в таком состоянии.

Именно Стивен заботился и поддерживал сестру, когда их мать умерла, и потом, когда она оплакивала гибель первого мужа и ребенка. Он держал ее за руки, сидел рядом, утешал, когда сестра рыдала, и кормил с ложечки, когда никто не мог уговорить ее поесть. Он не мог принять ее ответного участия. Во всяком случае, не сейчас, когда его глаза упираются в темноту, когда впереди его ждет позор. Это наверняка разрушит и ее жизнь.

Нет, пусть Доротей ничего не знает, пусть думает, что он в фаворе и служит за границей.

И куда теперь? Вена была городом, где он в последний раз испытал счастье. Он воображал, что любит, рассчитывал на долгую счастливую жизнь с женщиной, которая не любила его. Покинул Вену, чтобы вернуться на войну, что было полной противоположностью любви. Им снова овладела паника, стало трудно дышать. Он был одинок и лишен зрения.

Тут Стивен сообразил, что зажимает в кулаках простыню. Медленно разжал руки.

– Это так необходимо, чтобы я немедленно уехал из Брюсселя? – спросил Стивен.

– Фэрли настаивает, что тебя нужно перевезти в другое место по меньшей мере, – сказал Николас.

– Потому что считает меня виновным?

Николас поерзал на стуле.

– С твоим делом он ходил к Веллингтону и попросил его отложить трибунал до тех пор, пока ты не залечишь раны и не соберешь доказательства в свою пользу. Он пытается оставаться беспристрастным, но как твой командир будет осуществлять надзор за трибуналом. Ему не хочется, чтобы пошли слухи, что он тебе помогает.

– На тот случай, если я действительно трус, вор и лжец. – Стивен вперил взгляд в темноту. – И как я смогу что-то доказать в таком состоянии?

– Поедем в Темберлей-Касл, – настаивал Николас.

– Как бы я ни любил это поместье, как бы мне ни нравилось гулять по парку, наслаждаться произведениями искусства, однако...

– Я хочу помочь тебе собрать доказательства, поэтому будет лучше, если мы будем жить вместе, разве не так? Тебе нужно время, чтобы вылечиться, а в Темберлей-Касл спокойная обстановка. Никаких тебе сплетен и слухов.

Надежда шевельнулась в груди Стивена, как неутомимая мышка, которая вдруг вылезла на свет после многих дней пребывания в темноте и страхе.

– Ты хочешь помочь мне?

– Я же офицер разведки, шпион. И весьма толковый. Всегда нахожу то, что ищу. Я не хвастаюсь, Стивен, – продолжал убеждать его Николас. – Я обнаружил, что характер людей не меняется. Во всяком случае, без серьезных на то причин. Но люди, для которых собственная честь – главная ценность, никогда не изменятся.

Стивен испытал огромное облегчение.

– Может, ты сначала поговоришь с Мэг, прежде чем официально пригласишь меня? Ты же вроде собираешься стать отцом? Мне Дельфина говорила.

– Да, верно. – Усмешка послышалась в голосе друга. – Мать Мэг собирается в Темберлей, поэтому мне нужен рядом кто-то верный и надежный на случай засады; кто-то, с кем можно выпить, кому можно пожаловаться на капризы беременных женщин и надоедливых тещ и... – Николас замолчал.

– И что? Перекинуться в карты и сразиться на бильярде, как у нас это было заведено? И проскакать верхом по зеленым полям Дербишира? – с горечью продолжил Стивен.

– Поедем: тебе нужно просто восстановиться. Только для этого.

– Очень любезно с твоей стороны, но без посторонней помощи я теперь не обойдусь, а быть обузой мне не хочется. – Лорд Айвз был не из тех, кто легко принимает помощь. И всегда заботился о себе сам.

– Ну разумеется. Я подыщу тебе слугу-мужчину, и мы с Мэг всегда будем рядом.

– Только не это. Только не Мэг. Мне не хочется, чтобы она видела меня таким.

– Она вчера была здесь, общалась с Дельфиной, так что о следствии уже знает – в городе только об этом и судачат.

Стивен стиснул зубы.

– Полагаю, Дельфина тоже в курсе: она все-таки свояченица Фэрли, как ей это может быть неизвестно? – Он почувствовал, что краснеет. Как унижительно!

– Фэрли не хотел ей сообщать, – ответил Николас. – Семья бережет ее. Но Дельфина – это Дельфина: все вызнала у Мэг сама.

Значит, скорее всего он больше не увидит Дельфину. Теперь она начнет избегать его – предателя, труса и вора. Стивен почувствовал, как разочарование охватывает его. Он скучал по ней. Он уже привык к звуку ее шагов, к ее голосу, к запаху ее духов, к тому, как юная леди кладет ему руку на лоб. Стивен поерзал головой по подушке. На ней была надета идеально отглаженная наволочка. Это тоже было дело рук Дельфины. Раз десять на день она меняла под ним простыни, только чтобы ему было комфортно. Но все это было до обвинения. Дельфина больше не придет. Он сжал зубы. Что ж, лучше уехать отсюда, только чтобы не сталкиваться с ее презрением. Надо будет попроситься с леди Сент-Джеймс и поблагодарить

за заботу. Хорошо хоть, что теперь он не увидит жалости, насмешки и пренебрежения в ее глазах.

Николас поднялся.

– Я возьму все сборы на себя, как только врач скажет, что ты готов к поездке. Это будет трудное путешествие.

– Я справлюсь, – тихо проговорил Стивен. – Только забери меня отсюда.

Глава 10

– Трусость? – От неожиданности Дельфина чуть не уронила чашку, звякнув ею о блюдец. – О, Мэг...

Герцогиня Темберлей нахмурилась.

– Наверное, не нужно было говорить тебе. Лично я в это не верю, Николас – тоже.

Несколько секунд Дельфина разглядывала чай в своей чашке.

– Мэг, кто такая Джулия?

– Джулия? Ты говоришь о Джулии Лейтон? Она была обручена с братом Николаса еще до его смерти, потом, много позже, в Вене стала компаньонкой Доротеи Халлам.

– А Стивен... – Дельфина почувствовала, как у нее порозовели щеки. – Он был влюблен в нее?

Мэг отставила свою чашку.

– Не знаю. Несколько месяцев назад Николас получил от нее письмо. Она вышла замуж и переехала в Америку. Почему ты спрашиваешь?

– Стивен звал ее во сне... И Доротею, конечно, тоже.

– Понятно. Он написал им? – поинтересовалась Мэг.

– Нет. Я предложила написать кому-нибудь от его имени, но он отказался.

Мэг нахмурилась.

– Стивен – гордый человек и так много пережил. Может, когда мы перевезем его в Темберлей-Касл...

Дельфина вздрогнула.

– В Темберлей-Касл?

– Да. Фэрли должен был заключить Стивена под стражу, учитывая тяжесть обвинения, но Николас договорился, что будет отвечать за него до начала трибунала.

Возмущению Дельфины не было предела.

– Он серьезно ранен и слеп. Ему даже не удастся связать простыни, чтобы сбежать через окно.

Мэг пожала плечами.

– Тем не менее Фэрли не хочет склоняться ни на одну сторону, ни на другую. Стивен должен быть под рукой, чтобы предстать перед трибуналом. Представь, что будет, если он исчезнет.

– Я поняла. – Дельфина почувствовала, как паника овладевает ею. – Когда вы уезжаете?

– Через неделю. Врач сказал, что к тому времени Стивен уже поправится достаточно, чтобы перенести поездку.

– Через неделю? – Одна неделя, и он уедет! Ей показалось, что она уже потеряла его. Внутри образовалась пустота. Сердце замерло.

– Ты сама говорила, что ему становится лучше с каждым днем, – напомнила Мэг, отпивая чай.

– Лучше, но не настолько, чтобы выдержать переезд. – Дельфина поставила чашку на блюдец. – Это объясняет, почему Элинон так настаивала на моем возвращении домой.

– Правда? – Глаза у Мэг загорелись. – Тогда почему бы тебе не отправиться с нами? Николас хочет уехать отсюда как можно скорее из-за ребенка. Я буду очень рада твоему обществу. Мой бедняга муж вечно трясется надо мной, подкладывает подушки под ноги, заставляет пить козье молоко, которое я терпеть не могу. Он, видите ли, услышал где-то, что это молоко полезно для беременных. Я могу поговорить с Элинон, но не сомневаюсь, что она согласится. А почему бы и нет? Со мной и Николасом ты будешь в полной безопасности.

Дельфина затаила дыхание.

– В самом деле?

– Ну да.

Дельфина задумалась. Что ее ждет в Англии? Мать все вернет на круги своя – поиски мужа, визиты политическим сторонникам отца. Она не вынесет этого – во всяком случае, сейчас. И Стивен нуждается в ней, разве не так? Она знала, как бинтовать раны, как избавить его от ночных кошмаров. Да, он в ней нуждается.

Она решила воспользоваться шансом.

– Мэг, ты считаешь, что я смогу поехать с вами и пожить какое-то время в Темберлей-Касл? Мать рассчитывает, что я проведу с ней лето за городом. Она каждый день будет вызывать меня к себе, чтобы снабжать бесконечными списками потенциальных мужей. И, между прочим, мне придется менять платья три раза на дню, читать лишь дозволенные книги и очаровывать друзей отца. Я пока не готова вернуться к такой жизни. Боюсь сойти с ума.

Мэг оживилась.

– Я буду просто счастлива, если ты остановишься в Темберлее. Дел там у нас будет не много: поболтать вдосталь, погулять в саду, насладиться летом. Мне кажется, после Брюсселя у нас есть право хоть немного тихо-мирно пожить. – Она бросила на подругу осторожный взгляд. – Стивен, конечно, тоже поедет с нами. Ты не против? Николасу нужно подыскать для него слугу.

– Нет, я совсем не против, – быстро согласилась Дельфина и задумчиво добавила: – Тут у нас есть один солдат. Его ранило в лицо то ли копьем, то ли штыком. Он нам помогает переносить тяжести, даже ассистировал хирургу, когда возникла необходимость. У него хорошо получится ухаживать за Стивеном. Вообще-то эти несколько дней он практически не отходит от кровати майора. Большой как бык и при этом тихий и добрый.

Мэг согласно кивнула.

– Ему известно об обвинениях против Стивена?

Дельфина нахмурилась.

– Думаю, да. Но это никак не сказалось на том, как он ухаживает за Стивеном. – Она вспомнила глаза солдата, полные сочувствия.

– Вдруг он начнет сплетничать? – спросила Мэг. – Николас – и, я думаю, Стивен тоже – будет настаивать на абсолютной секретности.

– Это не проблема. Ранение не позволяет солдату говорить.

– Я скажу о нем Николасу, – пообещала Мэг.

– Что ты мне скажешь? – спросил герцог Темберлей, заходя в комнату. – Не хочешь ли отдохнуть?

Дельфина глядела, как он приподнял жене ноги и устроил на кушетке, подложив под них подушку, а потом подложил ей другую подушку под спину. Ее восхищала влюбленность, с какой Николас смотрел на Мэг. Дельфина помнила его повесой, имевшим репутацию драчуна и грубияна, и беспутным другом ее собственного братца. Он ушел на войну и вернулся совершенно другим человеком – серьезным и ответственным. Женитьба изменила его. Мэг нежно улыбнулась мужу. Нельзя было не заметить любви, с какой она смотрела на Николаса. Сердце Дельфины сжалось от тоски.

– Думаю, мне пора. – Дельфина поднялась. Парочка даже не обратила внимания на то, как она выскользнула из комнаты.

Глава 11

– Его состояние вполне позволяет выдержать поездку, – проворчал доктор. Это было сказано так, словно ему наплевать, хорошо ли себя чувствует раненый или нет, в особенности сейчас, когда его обвиняют в трусости и воровстве. – Он может и не перенести переезд, но так ведь...

Стивена обдало жаром, возмущение боролось в нем со страхом. Неужели никто не верит в его невиновность? Это какая-то ошибка или дурной сон – ранения, слепота, обвинение. Нужно проснуться, и все встанет на свои места.

– Он все выдержит.

Это была Дельфина. Стивен услышал, как доктор направился к двери. Она с жаром заступалась за него. Его защитница! Он натянул простыню на грудь, замотанную бинтами. Боль вгрызалась глубоко в кости.

Стивен постоянно испытывал боль, а обвинение, выдвинутое против него, представлялась ему битвой, в которой ему не суждено победить. Это будет благословение свыше, если он погибнет от инфекции или, поднимаясь на корабль, споткнется на трапе и рухнет в море. Он не станет цепляться за жизнь.

Стивен нахмурился. Это будет большим разочарованием для Дельфины. Она так упорно и решительно боролась за его жизнь. Стивен вдруг разозлился. Кто она такая, чтобы решать за него?

– Может, вам что-нибудь нужно? – Дельфина осторожно положила ему руку на лоб. Он все больше привыкал к ее прикосновениям. Она была всегда рядом, когда он просыпался.

Затем Дельфина положила ему на лоб влажную салфетку, Стивен сорвал ее и отбросил в сторону.

– Оставьте! – отрезал он. – Уходите. – Стивен никогда не был груб с женщинами. В нем немедленно заговорила совесть, но Дельфина доводила его до безумия. Ему не хотелось, чтобы она оставалась здесь, ухаживала за ним. Это ни к чему, ведь завтра он уезжает и больше не испытает этих ее прикосновений. – Пожалуйста!

Дельфина не двинулась с места. Он ждал, когда услышит шуршание ее платья, звук удаляющихся шагов; ждал, что она расплачется или начнет зло упрекать его, но так и не дождался.

– Хотите, я вам почитаю? – вместо этого услышал Стивен.

Голос ее был абсолютно спокоен. Она никогда не впадала в панику, не злилась, не разражалась слезами из-за его настроения или по поводу его ран. Означало ли это, что она хуже – или лучше! – чем он думал? Ему стало бы это понятно, если бы он смог увидеть ее, прочитать выражение ее глаз. Стивен вспомнил, как смотрел ей в глаза в последний раз во время их вальса – в эти блестящие в свете люстр глаза, озорные, полные ума, обещания. «Любительница флирта, – подумал он тогда, – помешавшаяся на снобизме». Но если это правда, почему она сейчас здесь?

– Отец всегда читал мне, когда я болела, – сказала Дельфина. – Он приходил и садился у моей постели, а я закрывала глаза и слушала, как звучал его голос. Это исцеляло лучше любого лекарства.

– И что он читал? Вне всякого сомнения, какую-нибудь душевспасительную книжицу или трактат о божественной справедливости прав высшего сословия.

– Он выбирал поэзию по большей части: сонеты Шекспира, рассказы Чосера.

– Граф Эйнзли? – поразился Стивен.

– Для меня он был просто папой, – сказала она. Без всякой гордости. Этакая послушная любящая дочка.

– Когда мы?.. – Он замолчал.

– Хотите узнать, когда вы уезжаете отсюда?

Дельфина подоткнула одеяло. Он отбросил его. Она оставила все как есть. Стивен испытал чувство триумфа, словно одержал победу, пусть даже такую маленькую.

– Николас занимается последними приготовлениями. Ему хочется как можно скорее увезти Мэг в Темберлей-Касл. Он хлопчет над ней, как будто она первая женщина на земле, которая ждет ребенка.

– Я его хорошо понимаю, – саркастически заметил Стивен.

Вместо того чтобы обидеться, Дельфина рассмеялась, и ее смех показался ему глотком прохладной воды в жаркий день. День действительно был жарким. Из открытого окна до него доносились голоса. Игроки в крикет жаловались на жару. Во влажном воздухе аромат волшебных духов смешивался с запахом ее кожи. Он вспотел, тело под бинтами зудело, повязка давила, но ее руки были прохладными и прикосновение их казалось приятным. Ему хотелось, чтобы она опять положила ему руку на лоб. Вместо этого Стивен решил сказать ей что-нибудь такое, что заставило бы ее уйти. Он не желал привыкать к ней, не желал попадать от нее в зависимость.

– Мы... то есть Николас нашел для вас слугу, который будет помогать вам в поездке и потом, в Темберлей-Касл. Его зовут Алан Браунинг. У него ранение сюда... – Дельфина провела пальцем по его щеке, и Стивен почувствовал, как охватила его дрожь. – ...поэтому Алан не способен говорить. Он очень много помогал нам здесь, на вилле. Ухаживал за ранеными, когда... э... женщины не могли этого делать.

– А я-то уже начал думать, что вы можете все. – Это прозвучало грубо, но ему было нужно выгнать ее из комнаты.

Она снова промолчала. Хотя об остром язычке Дельфины Сент-Джеймс ходили легенды. Одним словом она могла порвать противника в клочья и бросить истекать кровью. Терпение, с каким Дельфина относилась к нему, судя по всему, было безгранично. А ему хотелось, чтобы она боролась с ним, вступала в перепалку. Стивен не привык, чтобы с ним обращались с такой безукоризненной предупредительностью. Ее мягкость пугала.

– Сержант Браунинг – добрый человек, и ему нужна работа, – добавила Дельфина. – Он сильный и обходительный, и могу сказать, что вы ему нужны так же, как и он вам. Я приведу его потом.

– Зачем ждать? Ведите его прямо сейчас. Мне нужно... – Стивен хотел сказать «помочь», но не смог. Он все-таки джентльмен, а она леди, пусть и вызывающая немислимое раздражение.

– О, конечно. – Она тем не менее правильно поняла его. – Не беспокойтесь, милорд. У меня есть брат, весьма несдержанный на язык, так что вам не удастся меня шокировать.

Стивен почувствовал, что краснеет, а она встала и направилась к двери. Он был готов откусить себе язык.

– Как мне общаться с ним? – крикнул он ей вслед. – Мы будем говорить, или, может, он будет прикасаться ко мне и подавать какие-то знаки, чтобы я понял его?

– Мне помнится, вы обращали на себя внимание тем, что могли обнаружить в любом человеке самое хорошее, очаровать его, заставить его почувствовать себя самой важной личностью на земле. Вы всегда были добры прежде всего к тем, кто больше всего нуждался в доброте. Если я не ошиблась на ваш счет, вы найдете способ, как вам общаться.

Он задумался над ее словами и испытал стыд за свое поведение. Потом услышал, как она пересекла холл – десять шагов, – спустилась по лестнице – семь ступенек. Затем звук ее шагов прекратился.

Стивен вслушался в тиканье часов. Откуда-то снизу до него донесся долгий стон боли. За окном щебетали птицы. Дельфина помнит его замечательным и добрым? Но ведь во время

краткого представления друг другу они всего лишь перекинулись парой банальных любезностей. Был еще совершенно незабываемый поцелуй! Однако она явно ухватила самую суть его личности, или думает, что сумела это сделать. Разумеется, подобную характеристику можно отнести к любому достойному джентльмену. Она по-прежнему считает его добрым и милым сейчас, когда он ранен, не видит ничего и вдобавок опозорен?

Получается так, что каждым своим ласковым прикосновением, своим бесконечным терпением Дельфина Сент-Джеймс заставляет его почувствовать, что он еще чего-то стоит.

Стивен уже начал испытывать чувство потери, начал жалеть, что оставляет ее здесь, отправляясь в Англию. И вдруг понял, что хочет лучше узнать ее. Возможно, когда-нибудь – вернее, если, если... – у него восстановится зрение, он не умрет от гангрены, тогда обязательно найдет ее и поблагодарит за все.

Если, если...

Глава 12

Неужели этот упрямый глупый мужчина не понимает, насколько нуждается в ней?

Он очень удивился, узнав, что Дельфина возвращается на родину вместе с Мэг. И с ним тоже. Испугался – это факт. Он был груб и ворчлив, когда вообще говорил. В этом не было ничего неожиданного. Его постоянно мучили боли.

Однако когда карету затрясло на разбитых бельгийских дорогах, Стивен замолчал. На лбу у него выступили крупные капли пота. Его кулаки были так крепко сжаты, что побелели костяшки. Он бравировал, потому что рядом находились она и Мэг? Ее так и подмывало сказать ему, чтобы не мучил себя: пусть кричит, стонет, ругается – это облегчит боль. Но Стивен, будучи джентльменом, солдатом, дипломатом, только стиснул зубы, когда сержант Браунинг осторожно, насколько это было возможно, нес его вниз по лестнице, а потом проглотил стон, когда его усаживали в карету.

Жилы на его шее напряглись, когда они налетели на очередной камень на дороге. Дельфина поморщилась вместо него. Он отказался от лауданума и отстранял ее руку всякий раз, когда она пыталась промокнуть пот у него на лбу или поправить плед, которым его укрыли. Лицо Стивена было кипенно-белым, как повязка, которая поддерживала его сломанную руку. Кто-нибудь другой на его месте уже ругался бы последними словами.

Если бы не присутствие Мэг, она позволила бы ему это. Себастьян научил ее всем ругательствам, какие знал сам, и, если сейчас Дельфина услышала бы что-то из того набора, ее бы это не шокировало. У Стивена имелся для этого хороший повод. Она подавила вздох. Разве такой мужественный человек может быть трусом?

Дельфина чувствовала, что им владеет гнев – такой же сильный, как боль, – и надеялась, что сможет защитить его и от этого мрака.

За несколько недель, прошедших после битвы, она общалась с огромным количеством раненых, держала их за руки, вытирала пот со лба, подносила воду к губам, подбадривала улыбкой или добрым словом, помогала осознать, что война осталась в прошлом. Говорила им, что теперь, исполнив свой воинский долг, они смогут вернуться домой, где их обнимут любящие жены, матери и сестры. Она встречала надежду и благодарность в их глазах.

Стивена не ждал никто. Только недели лечения, потом трибунал. А потом? Она была уверена, даже сам он не знал, что произойдет потом. Стивен не позволил написать его сестре. Может ли человек умереть от никому не видимых ран? Ведь стыд, страх, потеря репутации способны нанести такой же ущерб, стать такими же опасными, как удар пули. Дельфина опасалась, что, если отведет от него взгляд хоть на минуту, Стивен Айвз, которого она знала и обожала, исчезнет и будет потерян для нее навсегда.

Если он лишится мужества, она сделает его храбрым; если потеряет надежду, она вернет ему ее. Даже если все перестанут видеть в нем благородство, она распознает. Она станет его глазами, пока зрение не восстановится. Дельфина подавила вздох, когда поток солнца, ворвавшийся через окно, осветил круги усталости и боли у него под глазами. Синяки на лице Стивена пожелтели, на месте затянувшихся порезов и ссадин появились белесые отметины, которые навсегда останутся шрамами. Дельфина потянулась, чтобы опустить занавеску.

– Оставьте, пусть, – угрюмо произнес он. – Так я хоть чувствую тепло солнца, пусть даже и не вижу его. Который час?

– Уже недалеко до Антверпена, – быстро ответила Дельфина, увидев, что Мэг посмотрела на свои маленькие часики, приколотые к лиффу.

Когда подруга уже открыла было рот, чтобы поправить ее и сказать, что им еще ехать и ехать, знаком попросила ее молчать и добавила:

– Я могу почитать вслух, или можем побеседовать, чтобы скоротать время.

– Нет! – воскликнул он. – Господи, лучше бы мне поехать верхом с Николасом!

Ответа не последовало, потому что такое было невозможно. Стивен беспокойно заерзал на сиденье. Дельфина видела, как напряженно сжаты его челюсти. Она потянулась, чтобы поправить плед, прикрывавший его колени, но Стивен, как капризный ребенок, вырвал его у нее из рук и бросил на пол. Атмосфера в карете накалилась в дополнение к духоте и пыли, висевшей в воздухе.

– Когда у Доротей подойдет срок? – спросила Мэг с наигранной веселостью, пытаясь начать беседу. – Она, должно быть, волнуется – точно так же как и я. Может, стоит написать ей, чтобы сравнить наш опыт? Вам, наверное, будет очень приятно вновь стать дядюшкой.

– Нет, – буркнул Стивен.

– Нет? – пискнула Мэг.

– Не надо ей писать! И ничего не сообщайте обо мне. Я не хочу, чтобы она узнала. – Голос его был безразличен. Так офицер отдает приказ, а дипломат диктует официальное послание.

Мэг наклонилась и взяла его за руку.

– Но, вне всякого сомнения, она хочет узнать, что с вами.

Карета подскочила на ухабе, и Стивен вцепился в ее руку, но больше ничем не выдал своего состояния.

– Нет, – повторил он, отпустил руку и повернулся к окну, где проплывал пейзаж, которого он не мог видеть. – Доротейя не перенесет... этого! А я не хочу становиться причиной ее новой боли или беспокойства.

– Я поняла, – сказала Мэг, хотя вид у нее был озадаченный и печальный.

Женщины намного сильнее и мужественнее, чем полагают мужчины. Стивен тут же раскаялся в собственной грубости, когда дамы замолчали, явно испытывая неловкость. Если бы его здесь не было, они наверняка трескали бы как сороки. Стивен понимал, что им хочется помочь ему, но ничего не мог с собой поделать. Он чувствовал себя инвалидом, бесполезным, слабым, разбитым, сидящим здесь с женщинами, в то время как остальные мужчины ехали верхом впереди кареты. Даже безгласный бедняга Браунинг скакал на лошади. Дельфина заранее предупредила Стивена, что сержант будет держаться рядом с окном, готовый прийти на помощь по одному взмаху руки.

Он упорно держал руки на коленях. Ему претило то, что днем и ночью приходится пользоваться чьей-то помощью. Но самостоятельно он не мог ни поест, ни почитать, ни переодеться. Он был лишен свободы действий, личного пространства, жизни вообще. Ему оставалась лишь бесконечная боль и темнота. Браунинг был тих, терпелив и мягок в общении. Копье проткнуло ему щеку и отсекло язык. Он больше никогда не будет говорить, а писать и не умел никогда, за исключением с тщательностью выведенных букв собственной фамилии. Помимо имени, звания и полка, в котором служил, о нем больше ничего не знали. Браунинг состоял в драгунах, и для Николаса этого было вполне достаточно, чтобы выбрать его.

Закрыв глаза, Стивен притворился спящим. Он чувствовал, как свет падает на него через окно – жаркий, когда они ехали через открытое пространство, и более прохладный, когда карета въезжала в лесную тень. Он вслушивался в звуки, доносившиеся снаружи: позвякивание сбруи, мужские голоса. Внутри кареты Стивен различал легкий шорох платьев, шелест переворачиваемых страниц книги. Он снова ощутил аромат духов Дельфины и понял, что без труда может отличить его от запаха духов Мэг.

Дельфина... Стивен вздохнул. Он думал, что они расстанутся в Брюсселе, но оказалось, она возвращается в Англию вместе с Мэг и Николасом, а значит, и с ним. Это было неожиданно и нежелательно.

Перед тем как отправиться в Вену, он нанял для своей сестры компаньонку, которая смогла бы выступать в качестве попутчицы, подруги и сиделки, если потребуется. Стивен тогда и представить себе не мог, что кто-то будет играть такую роль при нем, и уж тем более Дельфина Сент-Джеймс.

Еще одна колдобина, и опять мучительная боль пронзила его. Стиснув зубы, Стивен подавил стон. Но если путешествие продлится еще, он будет кричать в голос.

Вдруг заговорила Дельфина:

– Там в поле стоит конь и смотрит на нас. Огромный чалый жеребец. У него на боку рана. Как думаете, он тоже участвовал в сражении?

Стивен легко представил животное. Его собственный жеребец наверняка пал под ним. Бедняга! Но Стивен не проронил ни слова.

– Хочется, чтобы он нашел дорогу домой, и чтобы рана зарубцевалась, и чтобы остаток его жизни был тихим и мирным...

Дельфина продолжала задумчиво говорить про коня, но, несмотря на ее мягкий тон, Стивен вдруг испытал приступ страха. А он выздоровеет? Карета катила в бесконечном мраке, а Стивен слушал, как звучит ее голос, и набирался от него сил. Это помогало ему хранить полное достоинства молчание. Так было лучше, чем бессвязно лепетать что-нибудь жалкое. Лишь за одно это он должен быть благодарен ей.

Глава 13

Стивен никогда не страдал морской болезнью, но слепота сделала корабельную качку невыносимой. Один приступ рвоты сменял другой, пока они шли через Ла-Манш. В конце концов он ослабел окончательно. Его сломанные ребра горели огнем. Он попытался подняться, но Браунинг вновь осторожно уложил его на койку. Стивен почувствовал себя заключенным в маленькой смрадной каюте.

– Мне нужно на воздух. Отведи меня на палубу. – Сержант, как ребенка, поднял его сильными руками, но Стивен запротестовал: – Я могу идти сам.

– Корабль сильно качает. Если вы упадете, то причините себе большой вред, – сказала Дельфина.

Когда она здесь появилась? Стивен представил, как голос Дельфины исходит из уст Браунинга. И именно она сейчас несет его на руках. Эта до боли раздражающая женщина явно была языком Браунинга, а он – ее физической силой. Сжав зубы, Стивен сосредоточился на том, чтобы его не вырвало в ее присутствии. Он был полон признательности Браунингу, когда тот осторожно поставил его на палубу, найдя место, укрытое от водяной пыли. Воздух был холодный, но свежий и чистый. Тошнота прошла моментально.

– Лучше? – спросила она.

– Вы еще здесь?

– Еще здесь, – весело ответила Дельфина. – Вам что-нибудь нужно – плед или, может, накидка?

– Нет. – Запрокинув голову, Стивен сделал несколько глубоких вдохов.

Она молчала, но оставалась где-то поблизости. Порывы ветра доносили запах духов. И было слышно, как ее накидка хлопает на ветру словно парус.

– Вы боитесь, что я выпрыгну за борт? – поинтересовался он.

Чтобы ответить, ей потребовалось какое-то время. Стивену даже стало интересно: может, она ушла?

– А вы разве собираетесь? – наконец отозвалась Дельфина.

– Для вас это важно?

– Конечно, и даже очень. Мне придется прыгнуть вслед за вами. Тогда мое платье превратится в жалкую тряпку, а я его очень люблю, знаете ли.

– Какого оно цвета?

– Оно в полоску. Бледно-розовую и белую.

– А чем отделано?

– Темно-розовой лентой по верху лифа и на манжетах. Корсаж оливково-зеленый и тоже отделан розовой лентой.

– На вас еще должна быть шляпка под цвет платья, ведь так? Соломка, украшенная зелеными перышками. – Он мысленно представил, как это должно выглядеть.

Дельфина засмеялась.

– Вы просто уникам.

– И кружевные перчатки.

– Из белой лайки, – поправила она. – Вы всегда проявляли такой интерес к женской моде?

– Моя сестра какое-то время была серьезно больна. Когда я уходил из дому, она всегда настаивала, чтобы я возвращался с подробным отчетом о самых последних веяниях моды, новых платьях и обуви. Подборок из выкроек модисток ей было недостаточно. Она со сводившей с ума дотошностью заставляла меня описывать туалеты всех лондонских дам. Я стал самым настоящим специалистом по чулкам с вышивкой на лодыжках, по плиссе и гофре,

по муслиновым оборкам. Я знаю, как называются по меньшей мере девять разных видов женских шляпок.

Дельфина расхохоталась.

– Вы пример для подражания всем братьям. Единственное, что принес мне мой брат, когда я лежала больная, – это корзинка с жабами. Няньке и трем лакеям потребовался час, чтобы переловить их всех, пока я стояла на кровати и визжала, – сквозь смех сказала она.

Он попытался представить, как Дельфина, которую он видел на балу у герцогини Ричмонд, боится жаб: та Дельфина могла бы встретиться лицом к лицу с армией французов, не то что жаб, – был готов поспорить, что, в конце концов, это они стояли бы на кровати и визжали от ужаса.

– Я-то думал, вы ничего не боитесь, – сказал Стивен.

– Я много чего боюсь.

– Например?

– Глубокой воды. – В голосе ее не осталось и намека на веселость.

– Тогда обещаю, что не прыгну за борт сегодня. Да я и не найду дорогу к перилам без провожатого. А еще чего боитесь?

Она молчала, и Стивен, нахмурившись, добавил:

– Все мои страхи лежат на поверхности. По крайней мере, так может считать сторонний наблюдатель. Что тут такого, если вы поделитесь своими?

– Вам позволительно спросить, милорд, но леди должна кое-какие секреты держать при себе.

Тон ее вдруг стал холоден. Он что, коснулся больного места?

– Должно быть, мы уже недалеко от доков, – решил поменять тему Стивен.

– Как вы узнали?

Он поморщился.

– Я слышу, как кричат чайки. Это первое, а второе – запахи.

– Ну да, только что мимо нас прошла рыбацкая лодка. В ней рыбы по самые борта.

– Предпочитаю запах рыбы только тогда, когда она уже приготовлена, – признался Стивен.

– Значит, вы никогда не жили у моря.

– Да, поместье моего деда располагалось в центре страны, а его повар специализировался на оленине да еще жарил гусятину.

– И никакого запеченного хека, никаких морских щук с песчанками и даже никаких пирогов с килькой? Мы сами собирали устриц на берегу после отлива рядом с домом моей бабушки. Они брызгаются водой, вы знаете?

– Бабушки? – переспросил Стивен.

Ее речь звучала по-детски взволнованно и увлеченно. Он представил, как она, подоткнув подол платья в розовую и белую полоску, с босыми ногами и распущенными по ветру волосами бродит по песчаному берегу, вооружившись ведром и черпаком. Ему вдруг страшно захотелось взглянуть на нее такую.

– И устриц не ели? – удивилась Дельфина. – Смотрите, там индеец! О, извините, я хотела сказать... Ну, корабль, из тех, что курсируют между Англией и Индией.

– Швартуется или отходит? – быстро спросил он.

– Непонятно. А как определить?

Он втянул воздух носом.

– Не пахнет ни пряностями, ни чаем. На него что-нибудь грузят?

– А почему... Да, они закатывают бочки по сходням.

– Значит, отходит. Наверняка со следующим приливом.

– На причале толпятся солдаты. Должно быть, вернулись с... – Дельфина неожиданно замолчала, и ему стало понятно, что она там увидела: раненых, истощенных и грязных. Армия возвращается домой с войны. По крайней мере, на этот раз она закончилась. Ему стало интересно, нет ли среди этих солдат Холлета. Вряд ли он смог бы опознать его, даже если бы вернул зрение, потому что был абсолютно уверен: никогда ему не встречался человек с таким именем.

Дельфина продолжала оживленно рассказывать все, что видела. Это походило на чтение письма с описанием путешествия. И тем не менее он вдруг обнаружил, что может без труда мысленно представить себе все, о чем рассказывала его спутница. На миг Стивену даже показалось, что в ее присутствии к нему вернулась способность видеть.

Ее щебетание дало ему возможность вновь ощутить себя человеком, которым он был до этого: нормальным, целым и невредимым. Почти ощутить! Конечно, это была иллюзия. Он не мог увидеть ее оживленных зеленых глаз, солнечного света, блестящего в ее волосах, этого чертова платья в розовую и белую полоску... Ему хотелось...

Закрыв глаза, Стивен потерял их в тысячный раз, молясь о том, чтобы зрение каким-нибудь чудесным образом вернулось к нему. Тщетно!

Глава 14

Молоденький капитан поднял глаза от полковых списков и нервно улыбнулся герцогу Темберлею – пэру и герою войны.

– Сержант Холлет мог быть уже уволен из рядов армии. Мог даже умереть. О нем у меня нет никаких записей, ваша светлость.

Он ничего не знал о том, что случилось с сержантом, который потребовался его светлости, как, впрочем, и о сотнях других участников битвы при Ватерлоо. И ничего не узнает, пока список потерь не дойдет до него сюда, в штаб конной гвардии. И даже после этого. Ведь люди гибнут в сражениях, пропадают без вести навсегда. Некоторые подписали документы о своем зачислении на воинскую службу простым крестиком. А многие рекруты не могут по буквам произнести свое имя. Фамилию Холлет могли записать как Холл, или Моллет, или Том Турецкий. Все, что было известно капитану, – что у него нет данных, которые требовались очень сердитому, очень большому герцогу, нависавшему над ним.

Судя по всему, на континенте никто особо не торопился с отправкой сведений в Лондон, поэтому ему и приходилось крутиться, отвечая на вопросы встревоженных жен и матерей, а также таких важных персон, как герцог Темберлей. Холлет мог уже тайно вернуться домой, где бы он ни жил. Капитан очень надеялся на то, что этот сержант не задолжал денег Темберлею. Герцог не походил на того, кто был готов что-то простить.

– Могу я еще чем-то помочь вам, ваша светлость?

– У вас есть данные на майора Стивена Айвза? – Сидя в кресле напротив, герцог наклонился вперед и пригвоздил взглядом своего визави к спинке стула.

Капитан оттянул воротник и провел пальцем по вспотевшей шее. Он попытался представить, как лорд отреагирует на дурные новости о майоре Айвзе. Майор должен был предстать перед трибуналом. Ему гарантировался краткий отпуск для лечения после тяжелого ранения на поле боя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.